

Призови
имя мое

Коллектив авторов Призови имя мое

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=303142
Призови имя мое: Благовонница; М.; 2009
ISBN 978-5-91362-184-9*

Аннотация

Сборник, впервые изданный Валаамским монастырем в 1938 году и ставший одним из лучших пособий по Иисусовой молитве, наконец-то переиздан! Что такое молитва Иисусова? Что говорили святые отцы об этой молитве? Одинакова ли молитва в миру и в монастыре? Об этом и о многом другом размышляют в своих беседах мирской иерей и благочестивый инок—старец на страницах данного издания.

По изданию Валаамского монастыря (Сердоболь, 1938).

Содержание

Вступление	5
Беседа первая	8
Беседа вторая	24
Беседа третья	60
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Призови имя мое Беседы инока-старца с мирским иереем о молитве Иисусовой (что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви)

*По благословению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского **Владимира***

*Не можете Богу работати и маммоне
(ср.: Мф. 6, 24).*

*От сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы. Сия суть сквернящая человека
(ср.: Мф. 15, 19–20).*

*Если внутри сердца не сотворит человек волю Божию и не сохранит заповедей Его, то он и вовне не сможет этого сделать.
Преп. Исихий Иерусалимский¹*

*Нужно иметь глубокое чувство опасности своего положения и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе.
Еп. Феофан²*

*Две силы, совершенно противоположные между собою, влияют на меня: сила добрая и сила злая, сила жизненная и сила смертоносная. Как духовные силы, обе они невидимы. Добрая сила, по свободной и искренней молитве моей, всегда прогоняет силу злую, и сила злая сильна только злом, во мне скрывающимся. Чтобы не терпеть непрерывных стужений злого духа, надо постоянно иметь в сердце Иисусову молитву: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя. Против невидимого (диавола) – Невидимый Бог, против крепкого – Крепчайший.
Прот. Иоанн (Сергиев)³*

*Передать дело словом простым всякому по силам и удобно. Так, скажем для примера, всякому легко сказать, что хлеб приготовлен из пшеницы; но, чтобы подробно описать его приготовление, не у всякого достанет знания, и могут сделать сие только люди опытные. Подобно сему сказать про сто о бесстрастии и совершенстве не трудно и удобно, но дознать дело опытом значит то же, что самым делом и на самой истине постигнуть, как приобретается совершенство.
Преп. Макарий Великий⁴*

Вступление

Инок. Я очень рад вашему приезду, дорогой батюшка, в нашу святую обитель. Надеюсь, что вы поживете у нас подольше, и мы будем иметь возможность часто видеться с вами и беседовать.

Иерей. Да, я тоже очень счастлив, что Господь привел меня к вам. Для нас, мирских священников, чрезвычайно важно посещать время от времени святые обители и здесь, в тишине, уединении и молитве приводить в порядок свою утомленную душу. Вы не можете представить себе, до какой степени душа опустошается и выветривается в повседневной мирской суете.

Инок. Мне странно слышать от вас эти слова! Вы – иерей Божий, и вдруг говорите об опустошении вашей души! Вы так часто стоите у престола Божия, молитесь, причащаетесь Святых Таин Христовых! Ведь это же неиссякаемый источник благодатной жизни и духовного укрепления и утешения!

Иерей. Совершенно верно, отче. Частое богослужение, молитва и причащение Святых Христовых Таин являются источником благодатной жизни и духовной крепости. И тем не менее печальный факт налицо. Отчасти по нашей собственной небрежности и невниманию, отчасти по озабоченности разными неизбежными внешними делами, наша молитва нередко бывает рассеянной и слабой, мысли разбегаются и блуждают, сердце становится холодным. Мало-помалу опускаешься, привыкаешь к формальному исполнению своих обязанностей, и теряешь то сосредоточенное и благоговейное внутреннее чувство, тот страх Божий, который должен быть главным настроением души не только пастыря, но и каждого верующего христианина.

Казалось бы, весь окружающий нас мир Божий должен был бы всегда нами восприниматься как один великий необъятный храм Божий, в котором всегда присутствует Сам Господь, его Творец и Промыслитель. И созерцая в мире Его славу и величие и от этого созерцания проникаясь чувством глубокого благоговения, мы должны были бы и нашу земную жизнь, и все наши земные дела рассматривать и устраивать в свете этого благоговейного чувства, подчиняя временное вечному и земное небесному.

В действительности происходит не то. Мы совершенно забываем, что над нами есть Бог, и всецело поглощаемся своими преходящими делами, общественными, государственными, а иногда и просто своими мелкими житейскими дрызгами, сплетнями, своими страстями, до такой степени, что слова о вечности, о будущей жизни не находят отклика в нашей душе, как будто совершенно не относящиеся к нашей земной жизни и к нашим земным делам.

Другое отношение к жизни, совершенно противоположное, мы видим в монастырях. Конечно, и там живут не одни святые, а такие же грешные и слабые люди, и там людей волнуют страсти и житейские заботы, но там все это идет по-другому. Там всегда чувствуют себя живущими пред лицом Божиим, в ожидании неизбежного перехода от временного к вечному бытию и предстоящего, неизбежного и праведного Суда Божия и воздаяния за каждое действие, за каждое слово и за каждую мысль, и это чувство, которым пропитана монастырская жизнь, придает этой жизни особый возвышенный и светлый характер всегдашнего предстояния пред лицом Божиим, каковое чувство мир почти утратил. Эта особенность монастырской жизни чувствуется мирянами, чувствуется ими как то именно, чего им самим не хватает, без чего они духовно задыхаются. Вот почему так и тянется мир к монастырю, чтобы хотя некоторое время пожить в этом чистом и освежающем воздухе живого предстояния пред лицом Божиим и вернуться потом в свою обычную, житейскую суету духовно обновленным, ожившим, окрепшим и как бы помолодевшим. И что особенно дорого и знаменательно, –

это освежающее и спасительное значение монастырей чувствуют не только взрослые, но и молодежь, которая тоже тянется сюда и, приехав сюда даже на короткое время, уезжает отсюда обновленной и духовно окрепшей, и просветленной. Великое за это спасибо святым обителям! Поэтому, батюшка, не удивляйтесь тому, что и я, иерей Божий и пастырь, много лет прослуживший Господу, приехал к вам в обитель искать отдыха своей усталой душой и оживления ослабевших чувств страха Божия, веры, молитвы и покаяния, от угасания которых душа тоскует, задыхается и умирает.

Впрочем, есть у меня еще и особая, специальная причина, заставившая меня приехать к вам. Вам, конечно, известна недавно изданная Валаамской обителью книга: «Сборник о молитве Иисусовой». Эта книга привлекла к себе внимание и печати, и читателей. Все отзываются о ней с большой похвалой и от всего сердца благодарят потрудившихся в ее составлении и издании.

Такое широкое сочувствие и внимание к этой книге вызвано, как мне кажется, тем именно обстоятельством, о котором я только что говорил. Она прозвучала среди мирян, как сладостный церковный благовест, как голос из другого, далекого, и вместе с тем близкого и родного мира. Она явилась некоторым проникновением в нашу суетную, мирскую жизнь монашеского, или лучше сказать, подлинно православного понимания жизни как молитвенного и покаянного предстояния пред лицом Божиим. В простой и безыскусственной форме выписок из прочитанных духовных книг поставлен перед мирянами вопрос огромного значения и важности – о молитве как основании и сущности христианской жизни. Молитва поставляется **центром** христианской жизни. Где нет молитвы, там нет и христианской жизни. Истина, по-видимому, ясная и бесспорная, но столь многими совершенно забытая и исключенная из повседневного обихода. А между тем для многих этот вопрос о молитве является большим и мучительным вопросом. Есть жажда молитвы, но нет привычки и умения молиться. Читаемые по молитвеннику молитвы не находят отклика в опустевшем сердце и, произносимые устами, не прививаются к сердцу, которое остается холодным и безмолвным. Появившаяся книга, разъясняя сущность и важность молитвы, помогает выйти из этого нездорового и мучительного состояния. В этом заключается ее ценность и значение. Как и другие, я прочитал эту книгу с большим интересом, пользой и утешением. Но, привлекая к молитве, эта книга вместе с тем вызывает в душе целый ряд вопросов, относящихся к молитве Иисусовой, к ее сущности, значению, необходимости и к ее прохождению на практике. Хотя я и священник, но должен сознаться, что я не принадлежу к числу делателей Иисусовой молитвы. Я являюсь в этом отношении совершеннейшим, можно сказать, невеждой. Вот я и приехал сюда, чтобы, сознавшись в своем невежестве, искать здесь разъяснения вопроса о молитве Иисусовой во всей его возможной полноте. Я буду вам глубоко благодарен, если вы окажете мне помощь в этом деле.

Инок. То, что вы говорили о различном отношении к жизни, существующем в мире и в монастыре, я выслушал с большим вниманием, и, если это действительно так, то над этим нельзя не задуматься. Вопрос этот большой и серьезный и указывает на основную болезнь нашего времени. Что же касается вопроса о молитве, и об Иисусовой молитве в частности, то нужно сказать, что этот вопрос, как и вообще вопрос о христианской жизни, недостаточно разъяснять одними только теоретическими беседами. В глубочайшей своей основе и в своей сущности христианство познается, главным образом, постепенно приобретаемым опытом христианской жизни и духовно возрастающего ума и сердца. Чтобы познать христианскую жизнь, а не одни только ее внешние формы и проявления, и чтобы не ограничиваться одним только теоретическим, формальным знанием христианских истин, необходимо познавать христианство путем жизненного, опытного, трудового духовного подвига, медленно восходя с одной ступени христианской жизни на следующую, высшую. Возьмем тот же, поставленный вами, вопрос о молитве. Можно иметь о молитве самые полные, исчерпы-

вающие теоретические познания, дать самое точное определение молитвы, указать, у какого церковного писателя какое имеется учение о молитве и какие даются наставления к преуспеянию в молитве, и при всех этих обширных теоретических познаниях самому не уметь молиться. Так теоретическое, рассудочное знание религиозной истины может совершенно не совпадать с его опытным, жизненным познанием. То же самое можно сказать и о всех других истинах христианства, не исключая даже и самой основной истины бытия Божия. Сказанное относится и к молитве Иисусовой. Она познается не одним только внешним изучением, но опытным деланием. Для людей с простым и верующим сердцем частое произнесение ее почти не представляет трудностей, почему Церковный устав для людей некнижных даже рекомендует заменять ею все установленные молитвенные чиноположения. Для людей же, не имеющих простой, непосредственной веры и живущих более рассудочной и отвлеченной жизнью, действительно, нелегко войти в опыт сердечного молитвенного делания. Но не следует этим смущаться, так как все же оно ни для кого не закрыто. На вопрос о том, всем ли дается умная молитва, оптинский старец Леонид, в схиме Лев, отвечал: «Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следовательно, источник молитвы у всякого есть; но отвергается он или постепенным углублением в себя, по учению св. отцов, или мгновенно Божиим сверлом» (Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Леонида). Иисусова молитва, правильно проходимая практически, по руководству св. отцов и опытных наставников молитвенного делания, является тем именно «постепенным углублением человека в себя», о котором говорит старец Леонид. Она помогает открыться в сердце источнику живой, приснодвижущейся молитвы, которая, будучи единением с Господом Иисусом Христом, становится на страже человеческого сердца, противодействуя всякому его нечистому движению, сообщая ему глубокий мир и духовную крепость и через то регулируя всю внутреннюю и внешнюю жизнь человека. В этом и заключается значение молитвы Иисусовой в духовной жизни христианина.

Я не могу выдавать себя за опытного делателя и наставника молитвы Иисусовой. Но я охотно поделюсь с вами всем, что мне известно о ней из писаний св. отцов и опытных наставников этой молитвы. И потому прошу вас предлагать мне ваши вопросы, и мы начнем нашу беседу об Иисусовой молитве.

Беседа первая

О том, что такое молитва Иисусова по своей форме и содержанию, о ее первом делательном или трудовом периоде, о необходимых условиях ее правильного прохождения и о ее плодах

Иерей. Ваши последние слова как будто приоткрывают тайну Иисусовой молитвы. Если эта молитва, как вы говорите, напечатлевает в сердце постоянную молитвенную память о Господе нашем Иисусе Христе и соединяет с Ним наше сердце, и становится как бы стражем сердца от всяких нечистых и греховных движений, а через это устроит и всю жизнь христианина, то ведь это и есть самое важное и необходимое в деле христианской жизни. Самые обширные богословские познания, начитанность в свято отеческой литературе и знание богослужбных книг, если все это остается достоянием только ума и памяти и не доходит до глубины сердца, не управляет жизнью человека и всеми его поступками, то все это остается мертвым и неиспользованным сокровищем. И, конечно, в этом случае Иисусова молитва становится важнее и необходимее всех теоретических знаний. Это соображение вызывает во мне особенный интерес к этой молитве. И я прошу вас простить меня, если, предлагая вам свои вопросы, я буду говорить о вещах, по-видимому, совершенно ясных и удобопонятных, не требующих никакого разъяснения и всем известных; но я буду это делать единственно из-за того, чтобы в столь важном и чрезвычайно насущном вопросе не обойти вниманием ни одной мелочи, тем более, что я уже предупредил вас о своем крайнем невежестве в этом вопросе.

Итак, первый мой вопрос заключается в следующем: какая надобность в Иисусовой молитве, когда Православная Церковь обладает неисчислимым множеством молитв домашних и церковных, составленных по внушению Святого Духа святыми по жизни и высокими по дарованиям песнописцами – Иоанном Дамаскиным, Косьмой Маиумским, Романом Сладко певцем, Андреем Критским, Иосифом Песнописцем и другими, а также великими святыми отцами – Василием Великим, Иоанном Златоустом, Ефремом Сирийским и другими, и, кроме того, данных нам Самим Господом Иисусом Христом и Его Пречистой Матерью? Во всех этих молитвах, тропарях, канонах, стихирах заключается так много глубокого, трогательного и разнообразного содержания, что в них может найти свое выражение любое человеческое религиозное чувство, настроение, потребность, нужда, горе и радость, всякая мольба и всякая благодарность; они могут научить душу, вразумить ее, напитать, согреть, утешить, просветить, одушевить, исправить и направить... Зачем же вместо того, чтобы пользоваться всем этим разнообразным духовным церковным богатством, ограничивать себя одной покаянной молитвой мытаря, как будто вся религиозная жизнь человека сводится к одному только покаянию? Простите меня за мой, может быть, наивный вопрос, но не откажите дать ваше разъяснение.

Инок. Что касается ваших слов об ограничении всех молитв одной покаянной молитвой мытаря, то если бы это и было так, в этом не было бы ничего соблазнительного и противного Евангелию. Покаяние лежит в основании всей христианской жизни. Кто научится покаянию, тот научится христианской жизни. Иисус Христос начал проповедь Свою проповедью покаяния. *Оттоле начат Иисус проповедати и глаголати: покайтесь, приблизитесь бо Царство Небесное* (Мф. 4, 17). Заповеди блаженства, которыми Иисус Христос начал Свою Нагорную проповедь, ублажают прежде всего смиренных и плачущих. Но сейчас речь не об этом. Ваш вопрос происходит от очевидного недоразумения. По-видимому, вы пола-

гаете, что Иисусовой молитвой предлагается заменить все существующие домашние и церковные молитвословия и песнопения.

Совсем нет. На это никто не дерзает. Все, существующее в Церкви, имеет Божественное происхождение, установлено для нашего спасения и никакой отмене не может подлежать! Иисусова молитва ничего не отменяет и имеет свою целью только вспомоществовать тому же делу спасения, которому служит всё в Церкви Христовой.

* * *

Не думай, – пишет один из делателей и наставников Иисусовой молитвы, – что заставляя обучаться умному деланию, св. отцы наносят ущерб псалмам и канонам. Да не будет этого! Ибо все это дано Церкви Духом Святым. И все ее священнодействия заключают в себе все Таинство Дому строительства Бога Слова до самого Второго Его Пришествия, а также и нашего воскресения. И нет в церковных установлениях ничего человеческого, но все является действием Божественной благодати, не возрастающим от наших достоинств и не умаляющимся от наших грехов.

Преп. Паисий Величковский⁵

* * *

Церковь Христова, будучи утверждена на основании апостолов и пророков, имеет краеугольным камнем Самого Иисуса Христа (см.: Еф. 2, 20), а потому будет стоять непоколебимо до скончания века на своем вечном основании, которое есть Иисус Христос. Все в ней учреждено Духом Святым и должно быть исполняемо нами беспрекословно, как дело Божие, установленное нашего ради спасения. Итак, речь идет не об отмене или замене каких-либо церковных установлений, а об особом вспомогательном молитвенном делании, которое, содействуя установлению и укреплению внутреннего, сердечного, молитвенного единения с Господом Иисусом Христом, не только не мешает домашней или церковной нашей молитве, но еще и помогает ей стать более сосредоточенной, углубленной и действенной. Церковный устав предлагает заменять не знающим грамоты трудные для них молитвословия Иисусовой молитвой, но это вызывается очевидной необходимостью, невозможностью для них пользоваться богослужебными книгами.

Пустынники и отшельники заменяют молитвой Иисусовой церковное богослужение отчасти по этой же причине, отчасти по характеру своего особенного духовного подвига.

Иерей. Благодарю вас за это разъяснение. Не откажите еще дать точное определение, что вы называете Иисусовой молитвой? Ведь каждая молитва, обращенная к Господу Иисусу Христу, может быть названа Иисусовой молитвой, и таких молитв очень много. Мне хотелось бы знать, как нужно правильно произносить Иисусову молитву?

Инок. Молитвой Иисусовой мы называем не иное что, как благоговейное призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа – во всякое время, при всяком занятии и на всяком месте. Выражается эта молитва обычно следующими словами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного (или грешную)». Можно прибегать к более краткой молитве: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя (грешного или грешную)». В

---

⁵ Паисий Величковский – молдавский старец (1722–1794 гг.). Наставник монашества, нес подвиги в молдавских монастырях, учил братию умной молитве; оптинские старцы (Моисей, Леонид, Макарий, Амвросий) явились учениками Паисия. Духовный писатель, оставив ший в своих трудах назидательный пример для восхождения чад церковных по пути духовного совершенства. Прославлен в лике преподобных Собором 1988 г. Память 15/28 ноября.

этой своей форме она как раз соответствует словам апостола Павла: *Хочу пять словес умом моим рещи, нежели тьму языком* (1 Кор. 14, 19). Можно сказать и еще короче: «Господи, помилуй!»

Иерей. Чем объясняется то, что со словами молитвы о помиловании мы обращаемся не к Пресвятой Троице, не к Богу Отцу и не к Святому Духу, а к Сыну Божию?

Инок. Вам, конечно, известно, что мы обращаемся со словами молитвы к Пресвятой Троице («Пресвятая Троице, помилуй нас...»), и к Богу Отцу («Отче наш»), молимся и Святому Духу («Царю Небесный»). Но с Иисусовой молитвой мы обращаемся к Сыну Божию. Причина этому понятна. Мы обращаемся к Сыну Божию не потому, конечно, что Сын Божий преимуществовал бы в Троицеском Единстве Божества, но потому, что Он стяжал нас Богу и Отцу Честною Своею Кровию и есть наш Спаситель и Примиритель с Божественной правдой.

Он принял в Свою Божественную Личность наше естество, искупил нас от грехов наших Своей жизнью, смертью и Воскресением; понес за нас наказание, которое неотложно лежало на нас как за грехи прародительские, так и за свои личные. И потому, по всей справедливости, мы и должны молиться Ему, как нашему Спасителю. Он есть наш Посредник, Ходатай и Примиритель; только Им и через Него наши молитвы получают силу, и мы имеем доступ к Отцу Небесному: *аще что просите от Отца во имя Мое, даст вам* (ср.: Ин. 14, 13).

Нет сомнения, конечно, что и всякая другая молитва, обращенная к Господу Иисусу Христу составленная св. отцами, богодухновенна, божественна и причастна благодатной силы, по мере нашего должного к ней отношения; но при своей, большей или меньшей, многосложности, она трудна для произнесения и не позволяет читать ее постоянно, во всякое время, при всяком занятии, на всяком месте. Однако, при всей своей краткости и простоте, молитва Иисусова заключает в себе все, что принадлежит Сыну Божию как по домостроительству нашего спасения, так и по Его Божественному Ипостасному состоянию. Исповедуя Его Господом и Сыном Божиим, мы признаем Его Истинным Богом, единосущным Отцу и Святому Духу; а называя Его Иисусом Христом и прося «помилуй нас», исповедуем Таинство Домостроительства, которое было благоугодно Ему совершить – *нас ради человек и нашего ради спасения*; мы признаем Его своим Спасителем, Который только один и может спасти нас. А в этом, как известно, и состоит вся сущность нашей христианской веры, Евангелия и всего Христова учения. Апостол Иоанн Богослов, оканчивая свое Евангелие говорит: *Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос, Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его* (Ин. 20, 31). Словом, – молитва Иисусова соединяет нас с Сыном Божиим ближайшим образом и в Нем делает нас причастными вечной жизни. По слову того же апостола: *В Том живот бе* (Ин. 1, 4).

Иерей. Ваши слова дали мне вполне достаточные предварительные разъяснения о молитве Иисусовой, и теперь мы можем перейти к главному вопросу: о значении молитвы Иисусовой в духовной жизни христианина и о том, как надо проходить эту молитву.

Инок. Мы уже отчасти коснулись этого вопроса. Теперь с Божией помощью приступим к более глубокому и подробному его рассмотрению. Наша молитва может быть троякого рода. Если постигает нас какая-нибудь беда, болезнь, тяжкое горе или трудные житейские обстоятельства, из которых мы не видим благополучного выхода, тогда наша душа сама собой раскрывается для горячей молитвы к Богу о помощи, – и это даже у людей равнодушных к вере. Или если придет к нам неожиданная радость, произойдет благоприятный поворот в болезни дорогого существа, откроется выход из безвыходного, казалось, положения, то сердце наше снова само собой загорается благодарной молитвой ко Господу. И в том, и в другом случае молитва вспыхивает в душе нашей *непроизвольно* и бывает искренней и горячей. Это один вид молитвы. Но проходит момент, вызвавший горячий молитвенный порыв

нашего сердца, и мы можем снова погрузиться в обычное наше безразличие и равнодушие к молитве.

Есть другая молитва, – это та, которая совершается в определенном порядке и постоянно. Утром и вечером мы совершаем установленное молитвенное правило, читаем молитву перед принятием и после принятия пищи, в праздничные дни молимся на церковных богослужениях.

Мы делаем это или потому, что это дает нам духовную радость, или по чувству долга, или по обычаю и привычке. Выполняя свою молитву, мы иногда переживаем те религиозные чувства и настроения, о которых говорится в читаемой или слушаемой молитве, а иногда остаемся совершенно безучастными и невнимательными, погруженными в свои собственные мысли. Вам, конечно, известно, как мало бывает иногда связана эта наша домашняя и церковная молитва с нашим образом жизни, с нашими вкусами, привычками, даже с нашим образом мыслей.

Прочитав, не всегда внимательно, наши утренние или вечерние молитвы, отстояв всенощную или литургию, мы считаем, что выполнили свой долг перед Богом, «воздали Божие Богу», и теперь можем со спокойным сердцем, уже не вспоминая о Боге, всецело отдаваться своим житейским делам и заботам, пустым разговорам пересудам, сплетням и развлечениям, не думая о соответствии нашей жизни воле Божией. Таким образом, между молитвой и жизнью не получается гармонии и единства. Между ними существует какое-то разъединение. Молитва не только не влияет на нашу жизнь, не только не руководит ею, но мы даже склонны думать, что такого влияния и такого руководства и не должно быть, иначе жизнь станет очень скучной, если мы все время будем думать о Боге. Однако такой разрыв между молитвой и жизнью совсем не соответствует духу христианства. Христианство требует единства и цельности веры и жизни. У нас же выходит, что то, *что* мы получаем (если только получаем) в нашей домашней и церковной молитве, мы растрачиваем, предаваясь нашему обычному образу жизни и нашим привычкам. И поэтому мы не видим в себе никакого духовного плода, никакого духовного роста, никакого успеха и улучшения в нашей духовной жизни, да и сама молитва превращается в формальное, скучное занятие.

Иерей. То, что вы говорите, совершенно верно, и является большим злом в нашей мирской жизни, и я, как мирской священник, могу подтвердить справедливость ваших слов. Я даже скажу больше – даже мы, пастыри, нередко погрешаем этим разделением жизни на две поло вины – духовную и светскую, другими словами, служим одновременно Богу и маммоне. Но какой же выход из этого положения?

Инок. Выход есть. Он заключается в следующем: нужно, чтобы в нашем сердце образовался некоторый постоянный духовный молитвенный союз с Богом, установилось наше неразрывное молитвенное единение с Господом Иисусом Христом, и оттуда, из сердца, исходила бы движущая сила, направляющая всю нашу внутреннюю и внешнюю жизнь согласно духу и заповедям Святого Евангелия.

Иерей. Но как же создать в нашем сердце такой, как вы говорите, союз с Господом, или постоянное молитвенное сопребывание с Ним?

Инок. На этот вопрос Церковь отвечает своим учением об Иисусовой молитве, умом в сердце совершаемой. Наша общая печальная ошибка заключается в том, что мы не пользуемся молитвой как постоянной духовной силой, направляющей нашу духовную жизнь. Это я говорю не только об Иисусовой, но и о всякой другой нашей молитве. Мы смотрим на молитву лишь как на известную дань Богу. Уплатил эту дань, прочитал или выслушал положенные молитвы – значит выполнил все, что от меня требуется. Я могу теперь жить и делать что угодно. Придет пост, покаюсь, и опять за прежнее.

Мы не смотрим на молитву как на нашу постоянную спутницу и сотрудницу в правильном ходе нашей внутренней и внешней христианской жизни, не смотрим, конечно, потому

что у нас нет и заботы об устройении нашей жизни по-христиански. Для того же, чтобы наша жизнь была устроена по-христиански, необходимо, чтобы прежде всего наше сердце было устроено по-христиански, потому что в нем истоки нашей духовной жизни. Достигнуть этого правильного устройства сердца и помогает нам Иисусова молитва, которая, укореняясь в сердце, начинает управлять оттуда всей нашей жизнью. Здесь-то и открывается третий вид молитвы как *постоянного внутреннего молитвенного делания*, имеющего целью, при помощи Божией, привести к напечатлению в сердце постоянной молитвенной памяти о Господе Иисусе Христе, при помощи которой преодолеваются нечистые движения сердца и утверждается в сердце правильная духовная христианская жизнь. Высокое значение Иисусовой молитвы не есть что-либо новое – она во все времена являлась сокровищем Православной Церкви.

И хотя все наши молитвы могут иметь такое же значение, как Иисусова молитва, но не с таким удобством. Иисусова же молитва, ввиду ее краткости и возможности пользоваться ею при всяком занятии, во всяком месте и во всякое время, а также и ввиду самого ее содержания, имеет в этом отношении особенное преимущество. Употребление ее освящено самим Евангелием: вспомните жену хананеянку, слепцов иерихонских и др. случаи. Она во все времена и повсюду употреблялась в Православной Церкви, ею молились святые отцы и подвижники. Употреблялись, правда, в прежние времена, и другие краткие молитовки, выражающие то или другое состояние христианской души и направленные к той же цели. Посредством их частого произношения, вслух или безмолвного в сердце, верующие поддерживали в себе постоянную память о Боге и молитвенное и благоговейное с Ним общение. Св. Кассиан говорит, что в Египте в его время обычной краткой молитвой был 2-й стих 69-го псалма: *Боже, в помощь мою вонми! Господи, помози ми потщися!* Из жития св. Иоанникия Великого узнаем, что он всегда повторял молитву: *Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой*, – и произносил ее между чтением псалмов. Другой некто постоянной своей молитвой имел такие слова: *Аз яко человек согреших, Ты же яко Бог щедр, помилуй мя!* И другими краткими молитвами молились подвижники. Но, как было сказано, уже в самые древние времена очень многими избираема была молитва: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного*, которая постепенно и вошла во всеобщее употребление и даже в устав Церковный. Видим указание на нее у св. Ефрема, св. Златоуста, св. Исаака Сирина, св. Исихия, свв. Варсонофия и Иоанна, св. Иоанна Лествичника. Св. Иоанн Златоуст говорит о ней так: «Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей. Монах должен, – ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли путем, или другое что делает, – непрестанно взывать: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, да имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубь сердца, смирит держащего тамощные пажити змия, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два сии во едино». И в другом месте: «Не отлучайте сердца своего от Бога, но пребывайте с Ним, и сердце свое храните всегда с памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа вкоренится внутрь сердца, и оно ни о чем другом помышлять не станет, – да возвеличится Христос в вас».

Подобное же пишет и св. Иоанн Лествичник: «Память Иисусова да срастворится с дыханием твоим».

В правиле Пахомия Великого, преподанном ему Ангелом, вместе с другими молитвами указано и сто молитв Иисусовых. Св. Игнатий Богоносец, муж апостольский, которого, по Преданию Церкви, в его младенчестве Господь Иисус Христос поставил в пример смирения своим ученикам, получил свое прозвание «Богоносец» потому, что он, по его собственным словам, всегда носил в сердце своем имя Господа Иисуса Христа.

И вы сами хорошо знаете, как много *святым именем Иисуса Христа* совершалось чудес, и как много за это *имя* пострадали святые апостолы и мученики Христовы!

Иерей. Вот вы сказали, батюшка, приводя слова св. Иоанна Златоуста, что он обращался со своим наставлением о молитве Иисусовой к монахам. Может быть, это духовное делание Иисусовой молитвы настолько высоко и трудно и требует такой отрешенности от всего житейского, что мирянам им и заниматься не следует, а только одним монахам?

Инок. Совсем нет. Делание Иисусовой молитвы для всех спасительно. Вот послушайте, что говорит об этом православный русский епископ Иустин⁶: «Всякому истинному христианину нужно всегда помнить и никогда не забывать, что ему необходимо соединиться с Господом Спасителем всем существом своим, – надобно дать Ему, Господу, вселиться в уме и сердце нашем, необходимо начать жить Его пресвятой жизнью: Он принял плоть нашу, а мы должны принять и Плоть, и Всесвятый Дух Его – принять и хранить вечно. Только такое соединение с нашим Господом доставит нам тот мир и то благоволение, тот свет и ту жизнь, которые потеряны нами в Адаме первом и возвращаются теперь от лица Адама второго – Господа Иисуса Христа. А для такого соединения с Господом, после Причащения Тела и Крови Его, лучшее и надежнейшее средство есть умная молитва Иисусова, которая читается так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* Обязательна ли эта молитва Иисусова и для мирян, а не для одних только монашествующих? Непременно обязательна, потому что всякому христианину необходимо соединиться с Господом в сердце, а к сему соединению лучшим способом служит молитва Иисусова».

Святой Симеон⁷, архиепископ Солунский, заповедует и советует архиереям, священникам всем монахам и мирским на всякое время и на всякий час произносить эту святую молитву, имея ее как бы дыханием жизни.

* * *

Пусть никто не думает, братья мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не миряне. Нет, нет: все мы христиане имеем долг всегда пребывать в молитве... И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух... Имейте во внимании и способ молитвы, как возможно непрестанно молиться, – именно молиться умом. А это всегда можем делать, если захотим. Ибо и когда сидим за рукоделием, и когда ходим, и когда пищу принимаем, и когда пьем, всегда умом можем молиться... Телом будем работать, а душой молиться.

*Свят. Григорий Палама*⁸

* * *

Постановлением Святой Церкви законополагается всем неграмотным и не знающим Священного Писания наизусть заменять молитвословие и псалмопение молитвой Иисусовой.

Всем христианам можно и должно заниматься молитвой Иисусовой с целью покаяния и призывания Господа на помощь, заниматься со страхом Божиим и верой, с величайшим вниманием к мысли и словам молитвы, с сокрушением духа.

---

⁶ *Еп. Иустин (в миру Михаил Полянский). Кончина – 1903 г. Духовный писатель. Оставил после себя сочинения в 12 томах. Занимал в разное время – Херсонскую, Тобольскую, Рязанскую, Уфимскую кафедры.*

⁷ *Симеон Солунский, архиепископ Фессалоникийский, год преставления 1429 Церковный писатель.*

⁸ *Свят. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, родом из Константинополя. Богослов, исихаст; учил о Нетварном (Фаворском) Свете. Посрамил ересь Варлаама и Акиндина. Скончался около 1360 г. Был причислен к лику святых патриархом Филофеем. Наставник умной молитвы. Память 14/27 ноября и во вторую Неделю Великого поста.*

Еп. Игнатий⁹

То же самое говорит и епископ Феофан Затворник, и все другие наставники Иисусовой МОЛИТВЫ.

* * *

Конечно, у монахов есть свои преимущества в прохождении Иисусовой молитвы: этому способствует их уединенная жизнь, отстраненность от мирских забот, молитвенная обстановка, опытное руководство. Но и среди мирян, несмотря на все их житейские попечения, наблюдаются, хотя и не часто, случаи высокого преуспеяния в молитве Иисусовой, о чем можно прочесть в письмах Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. О примерах прохождения мирянами Иисусовой молитвы в его время рассказывает и епископ Игнатий Брянчанинов. Да и мы сами могли бы указать подобные случаи. Мы не можем, однако, не упомянуть, что наставники Иисусовой молитвы делают различие в прохождении Иисусовой молитвы новоначальными и мирянами, с одной стороны, и более преуспевшими, с другой стороны, и строго предостерегают от самовольного и гордого преждевременного устремления к высшим степеням молитвы.

* * *

Упражнение молитвой Иисусовой имеет два главнейших подразделения или периода... В первом периоде предоставляется молиться при одном собственном усилии; благодать Божия, несомненно, содействует молящемуся, но она не обнаруживает своего присутствия... Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно, или, что то же, без развращения, с сердечным плачем и теплотой... Душой и целью молитвы и в том и в другом состоянии должно быть покаяние. За покаяние, приносимое при одном собственном усилии, Бог дарует, в свое время, покаяние благодатное.

Еп. Игнатий

* * *

Молитва первого периода именуется делательной или трудовой и покаянной, молитва второго периода – благодатной и самодвижной, оставаясь вместе с тем и покаянной, каковой она должна оставаться всегда. К упражнению в молитве первого рода и к преуспеянию в ней св. отцы приглашают всех христиан. Но они строго воспрещают начинающим и новоначальным преждевременное усилие взойти умом во святилище сердца для *благодатной* молитвы, когда эта молитва *еще не дана Богом*. Когда придет время, Господь Сам возведет на нее делателя молитвы. «Благодать Божия, – пишет еп. Игнатий, – сама собой, в известное ей время, по ее благоволению, переводит подвижника молитвы от первого образа молитвы ко второму. Если благоугодно Богу оставить подвижника при первоначальной молитве покаяния, то да остается он при ней, да не ищет высшего состояния, да не ищет его в твердом убеждении, что

---

⁹ *Еп. Игнатий (Брянчанинов), в миру Дмитрий Александрович. Годы жизни 1807–1867. Оставил после себя поучения о духовной жизни, письма. Его творения могут служить духовным руководством для всех желающих истинной жизни во Христе. Прославлен в лике святителей Собором 1988 г. Память святителя Игнатия, епископа Кавказского и Черноморского празднуется Церковью 30 апреля/13 мая.*

оно не приобретается человеческим усилием, – но даруется Богом. Пребывание в покаянии есть залог спасения. Будем довольны этим состоянием; не будем искать состояния высшего. Такое искание есть верный признак гордости и самомнения, такое состояние приводит не к преуспеянию, а к преткновениям и гибели. Для стяжания глубокой сердечной молитвы необходимо значительное приуготовление.

Еп. Игнатий

* * *

Инок. Я боюсь, что я преждевременно коснулся вопроса о степенях Иисусовой молитвы и что этим я нарушаю порядок нашей беседы. Прошу простить мне это. Но с другой стороны, это предупреждение облегчит вам понимание дальнейшего хода Иисусовой молитвы. В связи со сказанным должен прибавить еще несколько слов. Не думайте, что степени Иисусовой молитвы есть что-либо искусственно установленное. Это есть необходимая принадлежность всякого естественного органического возрастания. Молитва есть жизненное дело: усваивается она не отвлеченным рассуждением, а жизненным опытом и трудом.

Узнав на опыте одно состояние молитвы, молящийся переходит к следующему, высшему, если на то будет воля Божия, а не своим усилием. В этом делании невозможно ни пропустить промежуточную ступень, ни проходить ступени в обратном порядке. Как и в физическом возрастании человек переходит незаметно от детства к отрочеству, от отрочества к юношеству и т. д. Перейдя на высшую ступень, он чувствует себя уже по-другому, чем чувствовал себя на низшей. Юноша уже не отрок, и никогда не вернется ни к отрочеству, ни к младенчеству. Но и для отрока нет ничего обидного в том, что он не юноша: не пришло еще время. Так и в духовной жизни существуют свои духовные ступени, по которым надо терпеливо восходить в свое время, и нет ничего обидного в том, чтобы стоять на разных ступенях. И никто не может жаловаться, почему ему недоступно то, что доступно другому. Каждый должен принять свой духовный возраст со смирением, без преждевременного и горделивого притязания на старший возраст, который ему все равно не по силам.

Иерей. Ваши слова о возрастах в Иисусовой молитве меня очень заинтересовали. Не можете ли вы сказать об этом подробнее? Какие это возрасты? Чем они различаются? Можно ли определить их число? Какая в них последовательность? Как нужно восходить по ним?

Инок. Потерпите немного, батюшка! Вы обо всем этом услышите в свое время. Помните только, что о возрастах в деле молитвы надо знать не для удовлетворения одной только любознательности ума, от этого пользы не будет; но нужно их познавать самим опытом и трудом молитвы, кому как Бог подаст. Однако возвратимся к продолжению нашей беседы. Рассмотрим ближе порядок Иисусовой молитвы, условия ее благотворного действия в нас и те духовные плоды, которые она может приносить нам даже на первых порах своего правильного делания.

По словам еп. Феофана, молитва Иисусова есть прежде всего такая же молитва, как и все прочие молитвы. Она также творится при участии нашего тела. Она также сопровождается крестным знаменем, поклонами поясными и земными. Наши уста и язык произносят слова молитвы; наш ум, имеющий средоточие в голове, внимает словам молитвы, наше сердце чувствует эти слова и отзывается на них. При правильном сочетании всех этих элементов получается правильная молитва. Еп. Феофан указывает на условия правильности всякой нашей молитвы, не только Иисусовой.

* * *

Не словом только надо молиться, но и умом; и не умом только, но и сердцем, да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при сем ум. Все сие в совокупности и есть настоящая молитва, и если нет в твоей молитве чего-либо из сего, то она есть или несовершенная молитва, или совсем не молитва. По нашей оплошности бывает, что иной раз язык произносит святые слова молитвы, а ум блуждает невесть где; или и ум понимает слова молитвы, а сердце не отзывается на них чувством. Полная и настоящая молитва есть та, когда со словом молитвенным и молитвенной мыслью сочетается и молитвенное чувство. Как же научиться такой молитве? Перед самым началом молитвословия поставь себя в присутствие Божие до сознания и чувства Его с благоговейным страхом... и восставь в сердце живую веру, что Бог видит и слышит тебя, что Он не отвращается от молящихся, но благоволиительно взирает на них и на тебя в час молитвы сей, и окрылись упованием, что Он готов и исполнить, и действительно исполнит прошение твое, если оно душеполезно для тебя. Настраиваясь так, произноси молитвы твои, всеусильно углубляясь в них и всячески заботясь о том, чтобы они исходили из сердца, как твои собственные. Не позволяй вниманию твоему отклоняться и мыслям твоим улетать на сторону. Как только сознаешь, что это случилось, возврати мысли свои внутрь и начинай опять молитвы с того пункта, с которого внимание твое отклонилось... Не позволяй себе спешить в молитвословии, а все его благоговейно, как священное дело, с терпением доводи до конца.

Еп. Феофан

* * *

Это правило общей молитвы применимо и к Иисусовой молитве, которая так же, как и другие молитвы, может быть совершаема правильно и неправильно. Уста могут произносить Иисусову молитву, а внимания к молитве может не быть; ум может блуждать невесть где или засоряться посторонними помыслами. Может и ум быть на месте и внимать словам молитвы, а сердце оставаться безучастным. Для правильности Иисусовой молитвы требуется, чтобы при произношении ее и ум внимал словам молитвы, и сердце чувствовало бы эту молитву. Таковы общие условия правильного совершения Иисусовой молитвы.

Теперь перейдем к отдельным, частным условиям ее благотворного действия в нас. Что требуется от нас, чтобы Иисусова молитва приносила добрый плод в сердцах наших? Мы уже упоминали, что Иисусова молитва, на какой бы степени она ни стояла, непременно должна сопровождаться покаянным чувством. Этого требует и самое ее содержание. Ведь мы просим в ней «помилования». О необходимости покаянного чувства учат все наставники Иисусовой молитвы. Пребывать в мире с Богом нельзя без *непрерывного покаяния*, пишет епископ Феофан. Апостол Иоанн Богослов поставляет условием пребывания с Богом мирное сердце: *аще сердце наше не зазрит нам* (1 Ин. 3, 21). Если нет ничего на совести, можно иметь дерзновение и доступ к Богу в чувстве мира, а если есть, то мир нарушается. Но по тому же апостолу, мы никогда не бываем без греха, а потому тот уже лжец, кто иначе думает и чувствует (см.: 1 Ин. 1, 8). Следовательно, нет минуты, когда бы кто не имел чего на совести – вольного или невольного, а потому нет минуты, когда бы не возмущался мир души с Богом. Отсюда следует, что все необходимо очищать свою совесть, чтоб быть в мире с Богом. Очищается же совесть покаянием; следовательно, непрерывно должно каяться. Ибо покаяние смывает всякую скверну с души и делает ее чистой (см.: 1 Ин. 1, 9). Покаяние сие состоит не в словах только: прости Господи, помилуй Господи, но при нем необходимы те

действия, которые оправдывают отпущение грехов, то есть: сознание определенной нечистоты помысла, взгляда, слова, соблазна или другого чего-нибудь, сознание своей в том виновности и безответственности без самооправдания, молитва об оставлении ради Господа до умирения духа. Что касается до великих грехов, то те тотчас должно исповедать духовному отцу и принять разрешение, ибо в тех не успокоишь духа одним повседневным покаянием. Таким образом, обязанность непрерывного покаяния есть то же, что обязанность содержать совесть в чистоте и безукоризненности.

Приступая к молитве, – пишет другой наставник Иисусовой молитвы, – нужно молить Господа о том, чтобы дал нам увидеть свое бедственное, греховное состояние, в котором находимся все мы; всю свою нищету духовную, убожество и свое совершенное бессилие в деле добра; чтобы дал нам иметь сердце сокрушенное и болезненное, и чувство нужды в Его божественной, всемогущей помощи, о которой и просить непрестанной молитвой.

Молитва Иисусова, – продолжает он же, – обязательно должна быть погружена в покаянные чувства; каковое настроение должно быть не прекращаемым во всю нашу жизнь, согласно учению о сем предмете всех св. отцов. При упражнении молитвой нужно иметь целью, чтобы сокрушением, слезами и умилением очистить сердце от грехов и земных пристрастий, и сим уготовить себя для принятия Господа Иисуса в чистой небесной неразвлекаемой молитве, в которой и совершается наше с Ним примирение и духовное общение. И только здесь, именно в чистом сердце и глубоком искреннем смирении, с любовью к ближним, и могут состояться и действовать высшие меры истинной сердечной молитвы, соединяющей нас с Богом и дающей нам вкусить в Нем вечный живот.

* * *

То же самое пишет о необходимости покаянного духа при молитве Иисусовой и еп. Игнатий Брянчанинов: «Начинать делание молитвы Иисусовой надо с начала, а не с середины и не с конца. Начинают с середины те, которые, без всякого приготовления, усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее. Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со *вниманием* и *благоговением*, с целью *покаяния*, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприисутствовали молитве.

В другом месте еп. Игнатий пишет, что «от всякого неверного шага, от всякой ошибки, или обмана и прелести, от всякого ложного, нездорового чувства в начале делания молитвы Иисусовой спасает одно – *покаяние* или *плач*».

При упражнении молитвой Иисусовой и вообще молитвой вполне и со всей верностью предохраняет тот вид смирения, который называется *плачем*. Плач есть сердечное чувство *покаяния*, спасительной печали о греховности и разномыслии, многочисленной немощи человека. Плач есть *дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно*, которое *Бог не уничтожит*, то есть не предаст во власть и поругание демонам, как предается им сердце гордое, исполненное самомнения, самонадеянности, тщеславия. Плач есть та единственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа, до обновления человеческого духа Святым Божиим Духом. Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, – и прелесть никогда не воздействует на нас.

* * *

Еще с большей настойчивостью требует от своих учеников покаянного чувства и болезнования сердца при молитвенном делании великий молдавский старец схииерарх

рит Паисий Величковский. Он настаивает, чтобы они проходили молитвенный труд «сокрушенным сердцем». Он напоминает им слова св. Иоанна Лествичника, который говорил: «Если мы и высокую жизнь проходим, а сердца болезненного не приобретаем, то все это при творно и суетно». И св. Григорий Синаит говорит: «Болезнь сердечная, и смирение, и труд послушания по силе каждого с правотой сердца совершают дело истины». И он же снова: «Всякое делание, телесное и духовное, не имеющее сердечного труда, никогда не приносит плода совершающему его, ибо Царство Божие усилием берется, и употребляющие усилие достигают его, как сказал Господь. Хотя бы кто-нибудь безболезненно и многие годы трудился или трудился, но не заботится с горячим усердием сердца совершать труды покаяния, бывает чужд чистоты и не причастен Духу Святому». И еще: «Кто трудится с небрежностью и ленью, то хотя бы он, казалось, и много работает, никакого плода не получает, ибо идущие не болезненным путем впадают от уныния в бесполезные попечения, и помрачаются». То же самое говорит и св. Симеон Новый Богослов: «Кто не подражает Христовым Страстям покаянием, слезами, смирением, послушанием и терпением, особенно же нищетой и скорбями, поношением и поруганием и не бывает причастником Его позорной смерти, тот не может быть и сопричастником Его духовного здесь Воскресения, и не может получить благодати Святого Духа, и божественный Павел говорит: *Если с Ним страдаем, то с Ним и прославимся...* Ибо без покаяния и слез, как мы сказали, ничто из сказанного не может быть когда-нибудь и не будет ни в нас самих, ни в других». Он же и в другом месте говорит: «Никто не может доказать от Божественного Писания, что без слез и всегдашнего умиления мог очиститься от страстей, и чтобы кто-нибудь из людей мог достигнуть святости, или получить Духа Святого, или увидеть Бога, или почувствовать Его внутри себя в своем сердце без предварительного покаяния и умиления, ибо только по мере слез, печали и покаяния все это производит божественный огонь умиления». И снова говорит: «Берегитесь, чтобы вам не лишиться иметь в себе Христа и чтобы вы не отошли с пустыми руками из этой жизни, и тогда восплачете и возрыдаете.

Св. Симеон Новый Богослов

* * *

Имея покаянное сердце, приступающий к деланию молитвы Иисусовой должен позаботиться также и о том, чтобы вся жизнь его была в соответствии с этим священным деланием и не противоречила ему. Это второе необходимое условие правильно совершаемой Иисусовой молитвы.

* * *

Сколь велики и неисповедимы обетованные Богом блага, столь же многих требуют трудов и подвигов, с надеждой и верой совершаемых. И сие явно из следующего: *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). И еще: *Аще кто не возненавидит отца и мать, и братию, и жену, и чад, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 26). Большая же часть людей столько неразумны, что хотя и желают получить Царствие, наследовать вечную жизнь, и вечно царствовать со Христом, но живут по собственным своим хотениям и им последуют, вернее же сказать, последуют тому, кто всевает в них такие суетные и явно вредные мысли.

Кто принуждает себя исключительно и всеуильно к молитве, но не трудится о приобретении смирения, любви, кротости и всего сонма прочих добродетелей, не внедряет их в себя насильно, тот может достигнуть только до того, что *иногда*, по прошению его, касается

его Божественная благодать, потому что Бог по естественной благодати Своей человеколюбиво дарует просящим то, чего они хотят. Если же получивший не приобучит себя к прочим добродетелям, упомянутым нами, и не стяжет навыка в них, то или лишается полученной благодати, или, вознесшись, ниспадает в гордость, или, оставаясь на низшей степени, на которую взошел, уже не преуспевает более и не растет, потому что престолом и покоем для Святого Духа служат смирение, любовь, кротость и, последовательно, все святые заповеди Христовы.

Преп. Макарий Великий

* * *

Если смиренномудрием, простодушием и благодатью украшены не будем, то вид молитвы никакой пользы нам не принесет.

И не о внешних только добрых делах должен заботиться делатель Иисусовой молитвы, но и о достижении внутренней чистоты сердца. Как кто может сказать о себе: так как я пощусь, живу в пустыне, раздаю свое имущество, то я свят!? Но свят ли тот, кто не очистил своего внутреннего человека? И не просто воздержанием от зла достигается чистота, но истреблением зла в совести своей достигается истинная чистота. Войди ты, кто бы ты ни был, к военнопленной и рабе греха душе твоей... и рассмотри до дна мысли твои, и глубину помышлений твоих исследуй, и ты увидишь в недрах души твоей ползającego и гнездящегося змия, убившего тебя отравой частей души твоей. Ибо сердце неизмеримая есть бездна: если ты убьешь этого змия, то похвались перед Богом чистотой твоей. Если же нет, смири себя, как немощный и грешный, моляся Богу о тайных твоих.

Преп. Макарий Великий

* * *

Прежде других добродетелей простота, как в сердце, так и в речах, взаимная друг к другу любовь, и радость, и смирение да будут непременно, как некоторое основание, положены в братстве, да не сотворим бесполезным наш труд, возносясь друг пред другом и друг на друга ропща.

Преп. Макарий Великий

* * *

Желающий приступить к Господу, и сподобиться вечной жизни, и быть домом Божиим, и удостоиться Духа Святого, чтобы непорочно и чисто творить по заповедям Господним плоды Его, должен так начать. Во-первых, веровать твердо Господу, и всего себя предать словам заповедей Его, и во всем отречься мира, чтобы ум не вращался ни в чем из видимых вещей, и всегда непоколебимо пребывать в молитвах, и не отчаиваться в ожидании, что Господь призрит и поможет во всякое время. Затем постоянно понуждать себя ко всякому доброму делу и ко всем заповедям Господним, хотя бы для пребывающего в сердце греха и желания к тому не было. То есть принуждать себя к смирению пред всеми людьми, считать себя меньшим и худшим всех, не ища ни от кого чести себе, или похвалы, или славы, как того требует Евангелие, но только всегда иметь пред глазами своими Господа и Его заповеди и Ему одному стараться угождать. Также принуждать себя к кротости, хотя бы и про-

тивилось тому сердце. Подобным же образом быть милостивым, приветливым, сострадательным, добрым, сколько возможно к тому себя принуждая. И иметь всегда пред своими глазами Господне смирение и Его жизнь, содержа их всегда в своей памяти незабвенно, как образ и пример для себя. И сколько есть сил, понуждать себя к непрестанному пребыванию в молитвах, всегда прося и веруя, чтобы пришел Господь и обитель сотворил в нем, и наставил и утвердил бы его во всех заповедях Своих, и чтобы душа его стала домом Иисусу Христу. И таким образом делая теперь с насилием над собой и против воли сердца, он привыкнет потом ко всякому доброму делу, ко всегдашней памяти о Господе, ко всегдашнему ожиданию Его великой благодати и любви. И тогда Бог, видя такой его труд и принуждение себя к добру, даст ему истинную молитву Христову, даст глубину милосердия, истинное человеколюбие и, просто сказать, подаст ему все плоды духовные.

Преп. Макарий Великий

* * *

Мы указали те качества, какие должен укреплять в себе делатель Иисусовой молитвы, но необходимо сказать и о том, с чем ему приходится бороться в себе: это – рассеяние внимания, трудность сосредоточить его на словах молитвы, блуждание мыслей, а также все время лезущие в голову посторонние помыслы. Все это преодолевается у новоначальных не своими силами, а смиренным прибеганием под защиту Божию, деланием молитвы Иисусовой. По мере того, как молитва все более и более укрепляется в сердце и как все живет и глубже делается чувство своего предстояния перед Господом, тем чище и свободнее от рассеянности и помыслов становится молитва.

* * *

Вступивший умом в подвиг молитвы должен отречься и постоянно отрекаться как от всех помыслов и ощущений падшего естества, так и от всех помыслов и ощущений, приносимых падшими духами, сколь бы ни были благовидными те и другие помыслы и ощущения: он должен идти постоянно тесным путем внимательнейшей молитвы, не уклоняясь ни налево, ни направо. Уклонением налево называю оставление молитвы умом для беседы с помыслами суетными и греховными; уклонением направо называю оставление молитвы умом для беседы с помыслами, повидимому, благими. Четырех родов помыслы и ощущения действуют на молящегося: одни прозябают из благодати Божией, насажденной в каждого православного христианина Святым Крещением, другие предлагаются Ангелом хранителем, иные возникают из падшего естества, наконец, иные наносятся падшими духами. Первых двух видов помыслы, правильнее, воспоминания и ощущения содействуют молитве, оживляют ее, усиливают внимание и чувство покаяния, производят умиление, плач сердца, слезы, обнажают перед взорами молящегося обширность греховности его и глубину падения человеческого, возвещают о неминуемой никем смерти, о безызвестности часа ее, о нелицеприятном и страшном Суде Божиим, о вечной муке, по лютости своей превышающей постижение человеческое. В помыслах и ощущениях падшего естества добро смешано со злом, а в демонских зло часто прикрывается добром, действуя, впрочем, иногда и открытым злом. Последние двух родов помыслы и ощущения действуют совокупно по причине связи и общения падших духов с падшим человеческим естеством, – и первым плодом действия их являются высокоумие, в молитве рассеянность. Демоны, принося мнимо-духовные и высокие разумения, отвлекают ими от молитвы, производят тщеславную радость, услаждение, самодовольство, как бы от открытия таинственнейшего христианского учения... Вслед за

демонскими богословием и философией вторгаются в душу помыслы и мечтания суетные и страшные, расхищают, уничтожают молитву, разрушают благое устройство души. По плодам различаются помыслы и ощущения истинно благие от помыслов и ощущений мнимо-благих.

Еп. Игнатий

* * *

Вы спросите меня – замечаются ли в этом начальном периоде занятия Иисусовой молитвой какие-либо плоды этого делания? Несомненно замечаются, если кто старательно выполняет вышеуказанные условия, то есть молится со *вниманием*, с *благоговением* и с *покаянным* чувством.

Именно сокрушение и страх Божий, а не теплота и сладость являются плодом молитвы.

* * *

Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой, упражнение которой превышает псалмопение и прочего молитвословия. От внимания рождается умиление, а от умиления усугубляется внимание. Они усиливаются, рождая друг друга; они доставляют молитве глубину, оживляя постепенно сердце; они доставляют ей чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так и внимание и умиление суть дары Божии.

Еп. Игнатий

* * *

Плод молитвы – сосредоточение внимания в сердце и теплота. Это естественное действие. Достигать сего всякому можно. И молитву сию творить всякому можно, не монаху только, но и мирянину.

Еп. Феофан

* * *

Будем молиться постоянно, терпеливо, настойчиво. Бог, в свое время, даст благодатную, чистую молитву тому, кто молится без лености и постоянно своей нечистой молитвой, кто не покидает малодушно молитвенного подвига, когда молитва долго не поддается ему. Образец успеха настойчивой молитвы Иисусовой видим в Евангелии. Когда Господь выходил из Иерихона в сопровождении учеников и народного множества, тогда слепец Вартимей, сидевший при пути и просивший милостыни, узнав, что Господь проходит мимо, начал кричать: *Сыне Давидов, Иисусе, помилуй мя*. Ему воспрещали кричать, но он тем более кричал. Последствием неумолкаемого крика было исцеление слепца Господом. Так и мы будем вопить, несмотря на восстающие из падшего естества и приносимые диаволом помыслы, мечтания и ощущения греховные для воспрепятствования нашему молитвенному воплю, – и несомненно получим милость.

Еп. Игнатий

* * *

От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя; если сделает что благопоспешно, видит в том не свой успех, а милость Божию, о которой он непрестанно умоляет Бога. – Непрестанная молитва руководствует к стяжанию веры, потому что непрестанно молящийся начинает постепенно ощущать присутствие Бога. Это ощущение мало-помалу может возрасти и усилиться до того, что око ума яснее будет видеть Бога в Промысле Его, нежели сколько видит чувственное око вещественные предметы мира; сердце ощутит присутствие Бога. Узревший таким образом Бога и ощутивший Его присутствие, не может не уверовать в Него живой верой, являемой делами. – Непрестанная молитва уничтожает лукавство надеждой на Бога, вводит в святую простоту, отучая ум от разнообразных помыслов, от составления замыслов относительно себя и ближних, всегда содержа его в скудости и смирении мыслей, составляющих его поучение. – Непрестанно молящийся постепенно теряет навык к мечтательности, рассеянности, суетной заботливости и многопопечительности, теряет тем более, чем более святое и смиренное поучение будет углубляться в его душу и вкореняться в ней. Наконец, он может прийти в состояние младенчества, заповеданное Евангелием, соделаться буим ради Христа, то есть утратить лжеименный разум мира и получить от Бога разум духовный. – Непрестанной молитвой уничтожается любопытство, мнительность, подозрительность. От этого все люди начинают казаться добрыми; а от такого сердечного залога к людям рождается к ним любовь. – Непрестанно молящийся пребывает непрестанно в Господе, познает Господа как Господа, стяжает страх Господень, страхом входит в чистоту, чистотой в Божественную любовь... Любовь Божия исполняет храм свой дарованиями Духа.

* * *

Плодом молитвы бывает постепенно расширяющееся зрение своих согрешений и своей греховности, отчего усиливается умиление и обращается в плач. Плачем называется преизобильное умиление, соединенное с болезнованием сердца сокрушенного и смиренного, действующее из глубины сердца и объемлющее душу. Потом являются ощущения присутствия Божия, живое воспоминание смерти, страх суда и осуждения. Все эти плоды молитвы сопровождаются плачем и, в свое время, осеняются тонким, святым духовным ощущением страха Божия... Страх Божий – ощущение совершенно новое. Страх Божий – действие Святого Духа. От внушения этого чудного действия начинают истаивать страсти, – ум и сердце начинают привлекаться к непрерывному упражнению молитвой. По некотором преуспевании приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним без различия добрых от злых, терпение скорбей как попущений и врачеваний Божиих, в которых необходимо нуждается наша греховность. Любовь к Богу и ближним, являющаяся постепенно из страха Божия, вполне духовна, неизъяснимо свята, тонка, смиренна, отличается отличием бесконечным от любви человеческой в обыкновенном состоянии его, не может быть сравнена ни с какой любовью, движущейся в падшем естестве, как бы ни была эта естественная любовь правильной и священной. Одобряется закон естественный, действующий во времени; но закон вечный, закон духовный настолько выше его, насколько Святой Дух выше духа человеческого. О дальнейших плодах и последствиях моления святейшим именем Господа Иисуса останавливаюсь говорить, – пусть блаженный опыт научит им и меня, и других.

Еп. Игнатий

* * *

Таковы даруемые Богом плоды Иисусовой молитвы, постепенно приобретаемые ее усердными делателями по свидетельству ее опытных наставников.

На этом мы закончим нашу первую беседу о молитве Иисусовой и в следующий раз продолжим нашу беседу как о делательной, трудовой, так и о самодвижной Иисусовой молитве и о тех трудностях и неправильностях, какие встречаются при этом умном делании.

Беседа вторая

Продолжение беседы о деятельной Иисусовой молитве: о способах обучения этой молитве, о трудностях, недоумениях и неправильностях, возникающих при этой молитве, и о молитве благодатной, самодвижной

Инок. Благословясь, продолжим нашу беседу.

Иерей. Простите, отче, я хочу напомнить вам ваше обещание подробно разъяснить различие степеней Иисусовой молитвы в соответствии с духовным возрастом и преуспеванием проходящих эту молитву.

Инок. Вы интересуетесь этим вопросом теоретически или потому, что опытом узнали начальные шаги этого молитвенного делания и ищете дальнейших указаний? Если этот вопрос интересует вас теоретически, то ответ на него, будучи достоянием только вашего ума и памяти, не принесет вам существенной пользы.

Я припоминаю случай, когда один послушник жаловался своему старцу, что при чтении книги преп. Иоанна Лествичника¹⁰ у него ничего не осталось в памяти. Старец ответил: «Эта книга запоминается деланием». Вспоминается также и другой случай с преп. Павлом Препростым¹¹, который просил преп. Антония Великого¹² научить его Псалтири. И когда Антоний произнес первые слова: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», то преп. Павел остановил его и сказал: «Подожди. Дальнейшее ты мне скажешь, когда я научусь исполнять сказанное тобою».

Из этих примеров вы видите, что наука духовной жизни изучается не теоретически, усвоением памятью, а практически, опытом жизни.

Иерей. Благодарю вас, отче, за это разъяснение, но все же я хотел бы, прежде чем приступить к опытному деланию Иисусовой молитвы, иметь о ней возможно более полное понятие, чтобы яснее представлять себе свой духовный возраст и то место, на котором я стою духовно, и весь предлежащий путь молитвы – и через это сознательнее, спокойнее и увереннее идти по этому пути.

Инок. Ну, хорошо, пусть будет по-вашему. Вы помните – в прошлый раз мы говорили о том, что называется Иисусовой молитвой, какое значение имеет в нашей духовной жизни упражнение этою молитвою, какие условия необходимы для ее благотворного действия и какие плоды она приносит в нашей душе. Настоящая наша беседа будет отчасти восполнением недосказанного тогда, отчасти продолжением предыдущей беседы: мы будем говорить о том, как нужно навязать Иисусовой молитве и какие бывают при этом трудности, недоумения и неправильности, а после того скажем и о молитве благодатной.

Как было уже сказано в прошлый раз, в делании Иисусовой молитвы очень важно строгое соблюдение порядка и последовательности. Всякая поспешность, нетерпеливость,

---

¹⁰ Преп. Иоанн Лествичник, особенно известен своим духовным сочинением «Лествица», являющимся руководством духовного восхождения. Учитель монашества. Год кончины 649. Память 30 марта/12 апреля.

¹¹ Преп. Павел Препростый, ученик и сподвижник преп. Антония Великого; отличался простотой и незлобием, имел дар чудотворения и прозорливости, скончался в глубокой старости, около 340 года. Память 7/20 марта.

¹² Преп. Антоний Великий – основатель отшельнического монашества, прославился подвигами в пустыне египетской. За всю жизнь два раза оставлял пустыню и являлся в Александрию со словом любви, утешения и вразумления. Скончался 105 лет от роду. Ангел земный и человек небесный. Год кончины 356. Память 17/30 января.

забегание вперед, желание поскорее достигнуть последних результатов молитвы, не пройдя предварительного медленного и болезненного пути, не только не совместимы с чувством благоговейного отношения к молитве, но и обрекают делателя на полную безуспешность и бесплодие его труда, и даже являются источником само оболыщения и прелести, доводящей и до повреждения в уме. Да сохранит Господь делателей Иисусовой молитвы от такого ложного и пагубного пути! Поэтому наставники этого делания и требуют от своих учеников не порываться самочинно вперед, но с возможным вниманием, благоговением, покаянным чувством и неустанным трудом выполнять начальное делание молитвы, терпеливо ожидая, пока Сам Господь, когда найдет это нужным, возведет их на следующую ступень. Таков единственный правильный порядок молитвенного преуспеяния. Подходить к этому деланию нужно как можно проще, искреннее, не напрягаясь и не усиливаясь выжимать из себя те или иные чувства, предоставляя все это воле Божией. Нельзя думать, что начинаешь какое-то особенное, великое дело, которым выделяешься из ряда других людей. – Одно только нужно – сознавать себя пред лицом Божиим грешником, ищущим спасения и упорядочения своей души и жизни деланием священной Иисусовой молитвы. Нужно иметь в сердце своем искреннюю, хотя бы и малую, наподобие горчичного зерна, веру в то что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий и Истинный Бог – есть, действительно, наш Спаситель, обетованный Богом Избавитель мира, Который один только может воскресить и мою душу и возжечь в ней подлинную жизнь, чистую и святую. Без такой веры сама молитва становится невозможной. Она делается праздным и бесплодным пусто словием. Но по мере прохождения Иисусовой молитвы наша слабая вера будет крепнуть и разгораться и, наконец, займет в сердце первое и главенствующее место. Далее – нужно усиливаться исполнять все то, что Господь Иисус Христос заповедал нам творить во Святом Евангелии: делами свидетельствовать свою веру, иметь нелицемерную любовь к ближнему, считать себя худшим всей твари, и болезненным и сокрушенным сердцем чувствовать грехи свои. От делания Иисусовой молитвы все эти чувствования и расположения духа будут укрепляться, внимание будет сосредоточиваться, мысли не будут разбегаться, пустые и нечистые помыслы потеряют свою назойливость.

* * *

Приводим ниже советы епископа Феофана, касающиеся вообще молитвы и молитвы Иисусовой в частности.

Для молитвы вообще:

1. Избери молитвенное правило – утреннее, дневное и вечернее.
2. Правило небольшое сначала, чтобы не отвратить непривыкшего к сему деланию и труду духа.
3. Совершать его должно всегда со страхом (с благоговением), тщанием (старанием) и вниманием.
4. Здесь требуются стояние, поклоны, коленопреклонения, крестное знамение, чтение, иногда пение.
5. Чем чаще становится на такую молитву, тем лучше... немного, но чаще.
6. Какие читать молитвы, это указано в молитвенниках. Но хорошо привыкнуть к какой-либо одной, чтобы, начав ее, тотчас загорался дух.
7. Правило молитвословия просто: став на молитву, со страхом и трепетом (с благоговением) говори ее, как в уши Божии, сопровождая крестом, поклонами и падением ниц, соответственно движению духа.
8. Принятое правило непременно всегда исполнять должно; но это не препятствует, по требованию сердца, и прибавлять.

9. Чтение и пение вслух, или шепотом, или молча – все одно, ибо Господь близ. Но иногда лучше тем, иногда другим способом совершать все молитвословие.

10. Твердо должно содержать в мысли предел молитвы (ее последнюю цель). Та молитва хороша, которая оканчивается припадением к Богу с чувством: имиже веси судьбами, спаси мя.

11. Есть степени молитвы. Первая степень – молитва телесная, более в чтании, стоянии, поклонах. Внимание отбегает, сердце не чувствует, охоты нет; тут терпение, труд. Несмотря, однако же, на то, положи пределы и делай молитву. Это делательная молитва. Вторая степень – молитва внимательная: ум привыкает собираться в час молитвы и всю ее проговорить с сознанием без расхищения. Внимание срастворяется с словом писанным и говорит, как свое. Третья степень – молитва чувства; от внимания согревается сердце, и что там в мысли, то здесь становится чувством. Там – слово сокрушительное, а здесь – сокрушение; там – прошение, а здесь – чувство нужды и потребность. Кто перешел к чувству, тот без слова молится, ибо Бог есть Бог сердца. Потому это и есть предел молитвенного воспитания – став на молитву, переходить от чувства к чувству.

12. Как бы, впрочем, ни полагал себя кто усовершенствовавшимся в молитве, правила молитвенного оставлять никогда не должно, а творить его, как указано, и всегда начинать с молитвы делательной. С нею должна быть умная, а за ними придет и сердечная. Без этого растеряются сии последние, и человек будет думать, что молится, а на деле этого не будет.

13. Когда молитвенное чувство взойдет до непрерывности, тогда начинается молитва духовная, которая есть дар Духа Божия, молящегося за нас, – последняя степень молитвы постигаемой. Но есть, говорят, еще и непостигаемая умом молитва, или заходящая за пределы сознания.

Еп. Феофан

* * *

Таков порядок общего молитвенного делания. Многие из указанных епископом Феофаном правил для общей молитвы, утренней или вечерней, применимы и для молитвы Иисусовой, как это легко может видеть каждый. Но сказанное здесь епископ Феофан дополняет еще и другими советами, относящимися непосредственно к молитве Иисусовой.

* * *

Навыкновение молитве Иисусовой внешне состоит в достижении того, чтобы она сама собою непрестанно вращалась на устах, внутренне же, в сосредоточении ума в сердце и непрестанном в нем предстоянии пред Господом, с сопровождающей сие сердечной теплотой в разных степенях, и отречением всяких других помышлений, и наипаче с сокрушенным и смиренным припадением к Господу Спасителю. Начало сему навыку полагается частым, сколько можно, повторением сей молитвы со вниманием в сердце. Частое повторение, установляясь, собирает ум воедино в предстоянии Господу. Установлению такого строя внутри сопутствует согревание сердца и отогнание помыслов даже простых, а не только страстных. Когда в сердце начнет непрестанно теплиться огонь прилепления Господу, тогда вместе с ним водворится внутри мирное устройство сердца с сокрушенным и смиренным, мысленным припадением к Господу. До сего доходит собственный наш труд с помощью благодати Божией. Что еще, высшее сего, может совершаться в деле молитвы, то будет даром единой благодати. У св. отцов поминается о сем для того только, чтобы кто, достигши показанного предела, не подумал, что ему нечего уже больше желать, и не возмечтал, что стоит на самом

верху совершенства молитвенного или духовного. Итак, первое тебе дело – частое, сколько можно частое, повторение молитвы Иисусовой, пока навькнешь непрестанно ее повторять. Делай сие так:

1. Определи в молитвенном твоём правиле часть и молитве Иисусовой. Твори несколько раз сию молитву в начале своего молитвословия и несколько раз после него. Если есть усердие, и после каждой молитвы, входящей в твоё молитвословие, делай то же.

2. Число, сколько раз в каком случае повторять сию молитву, сам себе определи, или с совета духовного отца твоего. Только сначала много не назначай, а потом, по мере усвоения этой молитвы, прибавляй понемногу. Если когда придет желание повторить положенное число, не отказывай себе в этом, не поставляя себе это в постоянное правило, а только в этом случае. И сколько бы ни потребовало сердце таких повторений, не отказывай.

3. Не торопись в произношении молитв одной за другой, а с мерной длительностью произноси их, однако же не об одних словах заботься, а паче о том, чтобы ум был в сердце и предстоял Господу, яко Присущему, с полным сознанием Его величия, и благодати, и правды.

4. Если имеешь свободу, то во время между одним и другим молитвословием положи себе остановиться, как обычно становишься на молитву, и возносить к Господу несколько раз молитву сию. А если нет такой свободы, то внутренне вставляй сию молитву всюду между делами твоими и даже речами.

5. Творя сию молитву на правиле, или кроме его, становись для нее в молитвенное положение, при каждом ее произношении делай поклон, – десять раз поясной, а потом земной, – так, пока кончишь. Ты, конечно, слышал или читал, что св. отцы в своих правилах о молитве полагают множество поклонов. Один из них сказал: недостаточна молитва, когда кто не преутрудит в ней тела своего поклонами. Если ты положишь, по силе своей, подражать сему, то скорее увидишь плод от труда своего над навькновением молитве Иисусовой.

6. О дальнейших наставлениях, указаниях и предостережениях касательно молитвы Иисусовой читай в Добротолубии – свв. Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Никифора монаха, Игнатия и Каллиста; и всех других отцов уроки о внутренней молитве могут быть прилагаемы и к молитве Иисусовой. Заметь: в уроках названных отцов ты найдешь указания, как сидеть, как держать голову и действовать дыханием. Эти приемы, как сказали Каллист и Игнатий, не существенно необходимы, а суть только внешние приспособления, не для всех пригодные. Для тебя довольно быть вниманием в сердце пред лицом Господа и возносить к Нему сию краткую молитовку благоговейно и смиренно, с поклонами, когда стоишь на правиле, и с одним мысленным припаданием, когда делаешь это между делами.

7. Заметь еще: быть вниманием надо в сердце, или внутри персей, как говорят иные отцы, именно – немного выше левого сосца, – и там повторять молитву Иисусову. Когда от напряжения сердце начнет щемить, тогда поступи, как советует монах Никифор: стань со вниманием и молитвенным словом там, где мы обыкновенно ведем беседу с самими собою, под гортанью, наверху груди. После опять сойдешь на прежнее место. Не побрезгуй сим замечанием, как оно ни покажется тебе слишком простым и мало духовным.

8. У святых отцов встретишь много предостережений. Ко всем им поводы даны опытами неправильного действия. Чтобы избежать сих неправильностей, имей советника – отца духовного или собеседника – брата единомышленного, и поверяй им все случающееся при таком труде твоём. Сам же всегда действуй в наибольшей простоте, в великом смирении и неприсвоении себе успеха. Ведай, что настоящий успех происходит внутри, незаметно, не выдаваясь, как совершается рост тела. Посему, когда возгласится у тебя внутри – *а, вот оно!* знай, что это возглас вражий представляющий тебе нечто кажущееся вместо действительного. Тут начало самопрельщения. Заглушай сей глас сразу; иначе он, как труба, будет гудеть у тебя, питая самомнение.

9. Не определяй времени необходимого для успеха в молитве сей. Положи только трудиться и трудиться. Пройдут месяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успеха. Один из афонских отцов говорил о себе, что прошло два года труда, пока согрелось сердце, у другого монаха это пришло через восемь месяцев. У всякого это происходит по мере сил его и усердия к сему делу.

Еп. Феофан

Таковы внешние приемы навыкновения молитве Иисусовой. Одновременно с этим важен и внутренний порядок молитвы.

* * *

Молитва – дело внутреннее. Главное, в чем надо упражняться, есть память Божия или хождение в присутствии Божиим. Старайтесь приобрести навык всегда быть в сознании и чувстве, что находитесь под оком Божиим, проникающим всю глубину вашего сердца, и все внутренние движения ваши видящим. Корень доброго внутреннего строя есть страх Божий. Его надо сделать неотходным. Он будет все держать в напряжении и не даст распускаться ни членам, ни мыслям, созидавая бодренное сердце и трезвенную мысль. Но всегда помнить надо и чувствовать, что успех в духовной жизни и во всех ее проявлениях есть плод благодати Божией. Духовная жизнь – вся от Пресвятого Духа Божия. *Ищите и обряцете*, – обещал Господь. Чего искать должно? Живого, осязательного общения с Господом. Дает сие благодать Божия, но нам необходимо и самим трудиться о том. Куда же обращать труд? На то, чтобы всегда памятовать о Господе, яко близ и даже в сердце сущем. Стань вниманием в сердце пред лицом Господа и говори: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного. Все дело в этом и есть, и по существу дела – больше ничего не требуется.

Еп. Феофан

* * *

При прохождении Иисусовой молитвы имеет особенное значение вопрос о том, где должны быть сосредоточены во время молитвы ум и внимание молящегося. По словам всех наставников молитвы Иисусовой, внимание ума должно быть сосредоточено не в голове, а в сердце.

* * *

Пока не сядет душа умом своим в сердце, до тех пор не видит себя и не сознает, как следует.

Еп. Феофан

Надобно из головы сойти в сердце. Теперь у вас помышление о Боге в голове, а Сам Бог как бы вне – и выходит, что это – работа внешняя. Пока вы в голове, мысли не улягутся покойно, все будут мястись, как снег или толкашки комарей летние.

Еп. Феофан

Вы писали, что от внимания голова даже болит. Да, если головою только работать, а когда сойдете в сердце, никакого труда не будет, голова опустеет и помыслам конец. Они все в голове, и один за другим гонятся, и управиться с ними нет возможности. Если же *найдете сердце и сумеете стоять в нем*, то всякий раз, как начнут смущать помыслы, стоит только

низойти в сердце – и помыслы разбегутся. Это будет уютный уголок, безопасное пристанище. Не поленитесь низойти. В сердце – жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех, начинающих искать Господа.

Еп. Феофан

Как понимать выражение – *сосредоточить ум в сердце*? Ум там, где внимание. Сосредоточить его в сердце – значит установить внимание в сердце и умно зреть пред собою присутствующего Невидимого Бога, обращаясь к Нему со славословием, благодарением и прошением, назирая при этом, чтобы ничто стороннее не входило в сердце. *Тут вся тайна духовной жизни.*

Еп. Феофан

* * *

Все св. отцы сходятся на том, что сердце является средоточием высшей духовной жизни человека.

* * *

Сердце – внутреннейший человек, или дух, где самосознание, совесть, идея о Боге с чувством зависимости от Него всесторонней, вся духовная жизнь вечно-ценная.

Еп. Феофан

* * *

Читая у отцов о сердечном месте, которое ум обретает молитвой, надо понимать *словесную* силу сердца, помещенную Творцом *в верхней части сердца*, силу, которой сердце человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли или желания, и силу ревности или ярости, наравне с человеками. Сила *словесства* выражается в совести или в сознании нашего духа, без участия разума, в страхе Божиим, в духовной любви к Богу и ближнему, в ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа или глубокой печали о грехах и в других духовных ощущениях, чуждых животным. Сила души – ум, хотя и духовна, но имеет местом своего пребывания головной мозг; сила же словесства, или дух человека, хотя и духовна, но имеет местом своего пребывания верхнюю часть сердца, находящуюся над левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца.

Еп. Игнатий

* * *

В первозданном человеке находились в полном единении и гармонии ум, сердце и тело. По грехопадении они оказались рассеченными, разделенными, противоборствующими друг другу. Воссоединяются они снова только благодатью Божией.

* * *

От прикосновения руки Его ко всему существу моему, ум, сердце и тело соединились между собою, составили нечто целое, единое; потом погрузились в Бога, – пребывают там, доколе их держит там невидимая, непостижимая, всемогущая рука.

Еп. Игнатий

* * *

При молитве нужно, чтобы дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одной мыслью или с участием голоса, а дух действует чувством умиления или плача. Соединение даруется в свое время Божественной благодатью, а для новоначального достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. При сохранении внимания умом дух непременно ощутит умиление. Дух обыкновенно называется сердцем, как и вместо слова «ум» употребляется слово «голова».

Еп. Игнатий

Не только всякое греховное чувствование и всякий греховный помысл, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимой праведностью, разрушают соединение ума с сердцем, поставляют их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направления, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: *сердце и ум никогда не соединятся между собою.*

Еп. Игнатий

Если ты ощутил, что соединился ум твой с душой и телом, что ты уже не рассечен грехом на части, но составляешь нечто единое и целое, что святой мир Христов возвел в тебе, то храни со всевозможным тщанием дар Божий.

Еп. Игнатий

* * *

Взаимное сочетание ума и сердца в делании Иисусовой молитвы является для неопытных одной из больших трудностей этого делания, влекущей за собой, при неумелом образе действий, большие неправильности, о которых подробно говорят наставники умного делания. Поэтому-то здесь и требуется постоянное наблюдение и совет опытного руководителя.

* * *

Что ум после нескольких молитв убегает из сердца и от памяти Божией отстает, это от слабости внимания и от равнодушия к молитве. Не дорожит душа молитвой и спешит отделаться от нее поскорее, бормоча ее кое-как. Взыщи страх Божий, и с ним приступай к молитве, и молись, держа внимание на смысле слов молитвенных. Коротенькие молитовки и молитва Иисусова затем и употребляются, чтобы *привить сердцу чувство к Богу* и тем привлечь внимание. Но если будем небрежно относиться к молитве, то никогда не преуспеем в ней. Помни также, что молитва одна не бывает в совершенстве, а вместе со всеми добродетелями. По мере усовершенствования добродетелей совершенствуется и молитва. Главней-

шие добродетели суть: страх Божий, целомудрие, смирение, сокрушение, плоти умерщвление, терпение, любовь. Когда они будут, явятся и другие все, а с ними и молитва.

Еп. Феофан

* * *

Делание молитвы Иисусовой требует с самого же начала большого внимания, терпения и постоянства. Им нельзя заниматься кое-как, спустя рукава. Внимание разбегается – необходимо его собрать; помыслы назойливо втискиваются в сознание, раздражают воображение – необходимо их отстранить; поднимаются страсти, волнуют сердце – надо их усмирить; кажущаяся бесплодность самого делания наводит уныние, вызывает скуку – надо терпеть и молиться. По ошибке, по неведению, по самочинию, по самообольщению делаются ложные шаги, надо каяться и исправлять их. И при всех этих обстоятельствах надо смиряться, не роптать, не прекращать молитвенного делания, и всю свою надежду возлагать на помощь Божию. Такое состояние может продолжаться не месяцы, а годы, пока, наконец, не затеплится в сердце постоянный огонек благодатной, самодвижной молитвы.

В прошлой беседе мы уже указывали эту неизбежность постоянной борьбы с многочисленными трудностями при делании Иисусовой молитвы. Но я считаю нужным еще и еще напоминать об этом, предупреждать об этих трудностях и призывать к тому, чтобы, пребывая в этой борьбе, мы не падали духом, не обманывали себя, не думали, что это молитвенное делание совершается так же легко и просто, как по рецепту доктора получается лекарство в аптеке.

Мы упоминали выше, что самое сочетание ума с сердцем может ставить в затруднение и вызывать недоумение. Недавно мною было получено письмо от одного инока, благоговейного делателя Иисусовой молитвы, который был смущен строгими словами епископа Игнатия, запрещающего новоначальным, под угрозой впадения в прелесть, входить молитвенно в область сердца, и усмотрел в этом запрещении противоречие со словами старца Василия Молдавского и епископа Феофана, указывающих необходимость при молитве Иисусовой стоять вниманием в сердце. При ближайшем рассмотрении слов епископа Игнатия выяснилось, однако, что никакого противоречия между епископом Игнатием и другими наставниками Иисусовой молитвы нет. Причина недоумения оказалась в разнице выражений, употребляемых подвижниками для обозначения одной и той же мысли, и в различии моментов, о которых они говорят. И епископ Игнатий не отрицает необходимости участия сердца в молитве новоначальных и страстных, но выражает эту мысль словами: «при сочувствии сердца», а другие выражаются иными словами.

* * *

Старец схимонах Василий¹³ пишет о молитве новоначальных: «Апостол Павел сказал: *хочу пять слов сказать моим умом, нежели тысячу языком. Следует прежде всего этими пятичисленными словами очищать ум и сердце, непрестанно говоря во глубине сердечной: Господи Иисусе Христе, помилуй мя*, и этим восходить к разумному пению. Ибо всякий новоначальный и страстный может *разумно, при блюдении сердца*, совершать эту молитву, пения же не может совершать *разумно, пока не предочистится сею молитвою*».

---

¹³ *Старец схимонах Василий (Поляномерульский), духовный отец преп. Паисия Величковского, духовный наставник молдавских пустынников и старцев, учитель умной молитвы.*

Схимонах Василий

В другом месте старец Василий говорит еще определеннее о возможности молитвы сердцем для новоначальных и страстных. Опровергая мнение тех, кто считает делание Иисусовой молитвы приличным только святым и бесстрастным.

Первая степень преуспевания новоначальных монахов состоит в умалении страстей трезвением ума и блюдением сердца, то есть *умною молитвою, подобающею деятельным.*

Схимонах Василий

Таким образом, то, что старец Василий называет «разумно, при блюдении сердца» (или в глубине сердечной) совершаемой молитвой новоначальных и страстных – соответствует в творениях епископа Игнатия молитве «умом при сочувствии сердца» совершаемой и всем доступной, не только преуспевшим, но и новоначальным.

У епископа Феофана этим же выражениям соответствуют: «Стать над сердцем, стать умом в сердце, из головы сойти в сердце, – все сие, по его словам, одно и то же. Существо дела в сосредоточении внимания и стоянии перед Невидимым Господом, но не в голове, а внутри груди, – к сердцу и в сердце».

Слова «стать умом в сердце» сам епископ Феофан объясняет так: «Знаете, где сердце? Так, станьте там вниманием и стойте неисходно, – и будете умом в сердце; ум неотлучен от внимания: где оно, там и он».

В другом месте епископ Феофан еще яснее указывает место сердца: «Где отзывается и чувствуется печаль, радость, гнев и проч., там сердце. Там и вниманием стойте».

* * *

Итак, если при молитве необходимо «сочувствие сердца», – а где сочувствие, там и внимание, а где внимание, там и ум, – то и выходит, что у всех трех наставников разница только в словах, а по существу они говорят одно и то же, а именно: что и новоначальным, и страстным, и не очистившимся от страстей возможно и должно молиться в сердце Иисусовой молитвой с целью очищения сердца от страстей.

* * *

Это не есть какое-либо высокое дело, а простое. И молитва Иисусова, одна сама по себе, не чудотворная какая, а как всякая другая краткая молитва, словесная и, следовательно, внешняя. Но она может перейти в умную и сердечную... все естественным путем. Что от благодати, того надо ждать, а взять того никаким иным способом нельзя. Что вам писали, что надо прежде страсти очистить, то относится к высокой, созерцательной молитве; а это простая молитва... могущая, однако же, привести к высокой молитве.

Еп. Феофан

* * *

Мы подошли к пределу, где молитва первоначальная, делательная или трудовая, соприкасается с молитвой благодатной, зависящей уже не от наших усилий, а от Божией благодати. Наши же усилия здесь сводятся лишь к тому, чтобы не помешать благодати Божией действовать в нас. Все наставники молитвы согласно предостерегают против самочинных и преждевременных исканий высшей молитвы. Епископ Игнатий пишет: «Иное молиться со

вниманием при участии сердца, иное нисходит умом в сердечный храм и оттуда приносить таинственную молитву, исполненную силы и благодати божественных. Второе происходит от первого. Внимание ума при молитве привлекает сердце к сочувствию; при усилении внимания сочувствие сердца уму обращается в соединение сердца с умом; наконец, при внимании, усвоившемся молитве, ум нисходит в сердце для глубочайшего молитвенного священнослужения. Все сие совершается под водительством благодати Божией, по ее благоволению и усмотрению. Стремление ко второму прежде стяжания первого не только бесполезно, но может быть причиной величайшего вреда.

Еп. Игнатий

* * *

Дерзостный и самонадеянный, ища того, что выше его достоинства и устройства, горделиво добивается того, чтобы прежде времени достигнуть зрительной молитвы. Если кто в самомнении мечтает достигнуть высокого, охваченный сатанинским, а не истинным желанием, такого диавол легко улавливает своими сетями, как своего слугу.

Схимонах Василий

Искание безвременного и преждевременного открытия в себе явственного действия благодати запрещают все св. отцы. Епископ Игнатий подкрепляет свои слова грозным прещением преп. Григория Синаита¹⁴, а также словами св. Нила Сорского: «Память Божия, то есть умная молитва, выше всех деланий, глава добродетелей, как и любовь Божия. Кто бесстыдно и дерзко захочет войти к Богу и беседовать с Ним чисто, кто нудится стяжать Его в себе, тот удобно умерщвляется бесами, если будет попущено, как взывавший достигнуть того дерзостно и гордостно, превыше своего достоинства и устройства».

Возникает вопрос, не распространяется ли грозное предупреждение и на тех новоначальных и страстных, которые совершением Иисусовой молитвы «в глубине своего сердца» стремятся очистить сердце от страстей?

Ответ на этот вопрос мы находим у преп. Григория Синаита в его учении о борьбе с помыслами. Здесь мы входим в такую область делания Иисусовой молитвы, которая близка и понятна более монашествующим, нежели мирянам, но и мирянам не мешает иметь о ней некоторое понятие – оно может и им оказаться полезным.

Преп. Григорий Синаит указывает разные способы борьбы с помыслами: одни – для сильных и совершенных, другие – для слабых и новоначальных.

Сильным и совершенным надлежит всегда бороться один на один и непрестанно обращаться на них *меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17); немощные же и новоначальные пользуются, как твердынею, бегством, с благоговением и страхом отказываясь от противоборства и не дерзая прежде времени вступать в него, и таким образом избегают смерти... Сего ради новоначальному надлежит внимать сердечному действию, как незаблудному (то есть стоя вниманием в сердце, творить молитву Иисусову), все прочее не принимать до времени умирения от страстей. Из новоначальных никто никогда не может отогнать помысла, если Бог не отгонит его. Только сильным свойственно бороться с ними и прогонять их. Но и они не сами собою отгоняют их, а Богом воздвигаются на брань с ними, как облеченные во всеоружие Его. Ты же, когда приходят помыслы, призывай Господа Иисуса часто и терпеливо, и они отбегнут: ибо, не терпя сердечной теплоты, молитвою подаемой, они, как

---

¹⁴ Преп. Григорий Синаит, родом из Малой Азии; принял иночество на острове Кипре и подвизался на Афоне в царствование Михаила VIII и Андроника II Палеологов, написал много душеполезных книг, скончался в 1310 г. Память 8/21 августа.

огнем палимые, отбегнут. Иисусовым именем, говорит Лествичник, бичуй супостатов: ибо Бог наш есть огонь, поядая злобу... Не имеющий же действия молитвы иным побеждает их, подражая Моисею. Ибо когда он восстанет и на небо прострет руки и очи свои (см.: Исх. 17, 11), Бог прогоняет их. Потом он опять садится и начинает молитву с терпением. Вот какой способ употребляют еще не стяжавшие действия молитвы. Но и имеющий действие молитвы при движении телесных страстей – разлечения или блуда, страстей лютых и тяжких, часто вставая, простирает руки в помощь против них. Однако опасаясь прелести, не долго сие творит, и опять садится, чтобы враг не обольстил ума его, показав какой-либо призрак. Ибо иметь ум, даже безопасный от падения, и горе, и долу, и в сердце, и всюду безопасным от вреда свойственно одним чистым и совершенным.

Преп. Григорий Синаит

* * *

Из этих слов св. Григория Синаита видно, что предупреждение его, которое мы привели выше, не относится к тем, кто, стоя вниманием в сердце, творит Иисусову молитву на помыслы; она относится к тем, кто самовольно и преждевременно стремится к созерцательной молитве, или же, будучи страстным, вступает в единоборство или противоборство бесовским помыслам, тогда как ему нужно, стоя вниманием в сердце, вопиять именем Божиим о помощи против врагов.

То же самое говорит и преп. Варсонофий Великий¹⁵, отвечая на вопрос ученика.

Вопрос. Если страстный помысл войдет в сердце, чем отражать его? Тем ли, чтобы противоречить ему, или произнести запрещение, и как бы прогневаться на него, или тем, чтобы прибегнуть к Богу и повергнуть пред Ним свою немощь?

Ответ. Страсти те же скорби, и Господь не отделил их, но сказал: *призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). И потому в отношении всякой страсти ничего нет полезнее, как призывать имя Божие. Противоречить же прилично не всем, но только сильным о Боге, которым повинуются бесы. Если же кто из несильных будет противоречить, бесы ругаются над ним, что, находясь в их власти, он им же противоречит. Также и запрещать им – дело мужей великих, имеющих над ними власть. Многие ли из святых запрещали диаволу, подобно Михаилу Архангелу, который сделал сие, потому что имел власть. Нам же, немощным, остается только прибегать к имени Иисусову: ибо страсти, как сказано, суть демоны – и исходят (от призывания сего имени).

Преп. Варсонофий

* * *

То же самое читаем мы и у св. Исихия.

Если, начав жить в внимании ума, с трезвением сочетаем смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем добро шествовать мысленным путем, как со светильником света, с поклоняемым и святым именем Иисуса Христа, как выметая и очищая от греха, так и украшая и убирая дом сердца своего. Если же на одно свое трезвение или внимание понадеемся, то, скоро подвергшись нападению врагов, падем, быв низринуты. И

---

¹⁵ Преп. Варсонофий Великий, святой VI века. Празднуется вместе с пророком Иоанном; подвизался в обители аввы Серида, а затем в уединенной келье недалеко от обители. Прославился подвигом поста, молитвы и безмолвия, стяжал необыкновенную духовную мудрость. После преп. Варсонофия и пророка Иоанна осталась душеполезная книга «Руководство к духовной жизни», составленная в форме вопросов и ответов. Память святых 6/19 февраля.

начнут тогда во всем одолевать нас эти коварнейшие злокозники, а мы начнем больше и больше опутываться злыми пожеланиями, как сетями, или совершенному заклятию удобно подвергнемся от них, не имея в себе победоносного меча – имени Иисус-Христового. Ибо только сей священный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать их вспять и посекасть, опалять и поядать, как огонь солому.

Преп. Исихий

* * *

Итак, сильные в Боге с этим священным мечом выступают на борьбу с врагом; немощные же, спасаясь бегством в собственное сердце, оттуда вопиют к Господу Иисусу о помощи, и таким образом избавляются от врага. Нет, однако, ничего опаснее, как поддаваясь помыслам и впадая в тяжкие грехи, совмещать это с Иисусовой молитвой.

Мне известно, что некоторые благонамеренные люди, но впадающие в блуд на самом деле, не могущие по несчастной привычке воздержаться от падений, покушаются на упражнение в сердечной молитве. Может ли быть что-либо безрассуднее, невежественнее, дерзостнее этого начинания!

Еп. Игнатий

* * *

Сумасшествие от молитвы Иисусовой может произойти тогда, когда, творя сию молитву, не отстают от каких-либо грехов и привычек грешных, кои осуждает совесть. При сем внутри происходит глубокий разлад, прогоняющий всякую мирность сердца. Отсюда помутиться может голова, и понятия прийти в смятение и запутанность.

Еп. Феофан

Конечно, в приведенных примерах виновата не Иисусова молитва, а виновато допущенное противоречие между порочным образом жизни и молитвенным деланием. Душа не может мириться с таким внутренним противоречием и такой двойственностью, и нарушенное равновесие духа и постоянные укоры совести приводят к душевному расстройству.

Из всего сказанного совершенно ясно, что вышеупомянутая угроза и прещения преподобных Григория Синаита и Нила Сорского не относятся к тем, кто, будучи обуреваем страстями и помыслами, с покаянным чувством, с благоговением и вниманием, в глубоком смирении ищет в молитве Иисусовой спасения и очищения от страстей. Угроза относится только к тем, кто самочинно и дерзостно стремится преждевременно, не очистившись от страстей, к высшей, созерцательной молитве, или к тем, кто, предаваясь своим страстям и не заботясь об очищении сердца, пытается совместить с этим и делание Иисусовой молитвы. Такой может даже повредиться и умом.

Существуют и другие неправильные подходы к Иисусовой молитве, о которых необходимо знать молящемуся. И хотя они также более имеют отношение к монашествующим, но не мешает их знать и каждому делателю Иисусовой молитвы. Таковы, например, те неправильности в молитве, о которых говорит св. Симеон Новый Богослов в своем Слове о трех образах внимания и молитвы. Это свое слово он предваряет следующими поучительными наставлениями: «Есть три образа внимания и молитвы, которыми душа возвышается и преуспевает, или низвергается и гибнет. Кто эти три образа употребляет *в свое время и как следует*, тот преуспевает; а кто употребляет их неразумно и не вовремя, тот низвергается. Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвой, как связано и неразлучно

тело с душой. Внимание должно идти вперед и сторожить врагов, как некий страж; оно первое пусть вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми перед сим вело брань внимание: ибо одно оно не может их побивать. *На этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души.* Если вниманием храним молитву чистой то преуспеваем, а если не внимаем, чтобы хранить ее чистой, но оставляем неохраняемой и она оскверняется злыми помыслами, то бываем непотребными и безуспешными».

После этих слов преп. Симеон переходит к первому образу внимания и молитвы, в котором неправильное преобладающее положение занимает *воображение*.

Передавая слова преп. Симеона, еп. Феофан предваряет их следующими своими замечаниями: «В естественном порядке, или строе наших сил, на переходе отвне внутрь (то есть к сердцу) стоит воображение. Надо благополучно миновать его, чтобы благополучно попасть на настоящее место внутри. По неосторожности можно застрять на нем и, оставаясь там, быть уверенным, что вошли внутрь, тогда как это только внешнее преддверие... Да это бы еще ничего, но этому состоянию всегда почти сопутствует самопрельщение, а из него развивается визионерство с его пагубными последствиями... Известно, что вся забота ревнителей о духовной жизни обращена на то, чтобы поставить себя в должное отношение к Богу. Совершается это и обнаруживается в молитве. Она есть путь восхождения к Богу, и ее степени суть степени приближения нашего духа к Богу. Самый простой закон для молитвы – *ничего не воображать*, а собравшись умом в сердце, стать в убеждении, что Бог близ, видит и внимает, и в этом убеждении припадать к Нему, страшному в величии и близкому в благоснисхождении к нам... Помышлять о Нем надобно, как о Духе чистейшем, не имеющем никакого вида и образа... Иметь такое помышление дает только благодать, когда образуется в сердце чувство к Богу. До тех же пор помышление наше о Боге не совершенно, смешано с какою-либо формой. Например, пророк Давид говорит: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 8). Это образ. Всячески надо стараться о том, чтобы молиться без образов Божиих. Стой в сердце с верою, что и Бог тут же есть, а есть, не соображай... Между тем иные вот что делают во время молитвы»... Далее следуют слова св. Симеона: «Предстоя на молитве, возводят на небо очи и ум и воображают в уме своем Божественные помышления, небесные блага, чины святых Ангелов и обители святых, словом – все, что говорится в Писании об этих предметах, вызывают их из памяти и перебирают воображением во время молитвы, стараясь потрясти этим свое чувство, в чем иногда и успевают, разгорячают свое сердце к желанию Божественного, умиляются и плачут»...

* * *

Иерей. Батюшка, да ведь молящиеся такой молитвой есть и среди моих прихожан. В ней они видят проявление подлинного религиозного настроения, очень высоко ее ценят, ищут ее и, когда достигают, думают, что достигли истинной молитвы, и боятся потерять ее. Иные при этом видят даже свет от икон или улыбку на иконных ликах и другие подобные явления, которые они считают благодатными.

Инок. Слушайте дальше, и вы увидите, насколько они правы и в чем ошибаются. Еп. Феофан продолжает: «Представлять предметы Божественные под теми образами, как они представляются в Писании, ничего нет худого и опасного; мы и рассуждать о них иначе не можем, как облакая понятия в образы, – но не должно никогда думать, что и на деле так есть, как эти образы являются, и тем более останавливаться на этих образах во время молитвы. Во время благочестивых размышлений или при богомыслии это уместно; но во время молитвы нет. Образы *держат внимание вовне*, как бы они священны ни были, а *во время молитвы*

вниманию надо быть внутрь, в сердце; сосредоточение внимания в сердце есть исходный пункт должной молитвы. И поскольку молитва есть путь восхождения к Богу то уклонение внимания от сердца есть уклонение от этого пути. Значит, употребляющие означенный воображательный образ держания себя во время молитвы на первых же порах сами себе устраивают препоны к делу, за которое взялись с такой ревностью. Но в этой неправости начала есть только начало беды, которое наводит на нечто худшее и опаснейшее. Так как это парение или летание ума в небесных областях легко и, по связи сердца с воображением, тотчас оставляет след влияния своего в разблужении чувств, то занимающийся так тотчас начинает мечтать об успешности своего дела и о своем совершенстве. “У такого, – говорит преп. Симеон, – мало-помалу кичится сердце; ибо он воображает, что совершаемое им и происходящее в нем бывает от Божественной благодати к утешению его. Почему он и молит Бога, чтобы дал ему и всегда быть в таком состоянии; а оно не есть доброе состояние, а прелесть”. Таким образом, у него путь к преуспеянию пресекается в самом начале, ибо искомое считается достигнутым, тогда как достижение его еще не начато. Посему-то такой человек никогда не может прийти в разум и достигнуть добродетели или бесстрастия».

Далее – самомнение еще более разгорячает воображение, и оно быстро рисует новые картины, вставляя в свои мечтания личность мечтающего и представляя ее всегда в привлекательном виде, в близости к Богу, Ангелам и святым. Чем более он так мечтает, тем более укореняется в нем убеждение, что он точно уже друг неба и небожителей, достойный осязательного с ними сближения и особых откровений. На этой степени начинается *визионерство*, которое является и естественной болезнью душевной, и более того делом врага, который не дремлет.

* * *

Таким образом многие прельстились, видя свет и сияние очами телесными, обоня благоухание обонянием своим, слыша гласы ушами своими и т. п. Иные из них повреждались в уме и переходили с места на место, как помешанные. Иные, приняв беса, являвшегося им в образе светлого ангела, до того утверждались в прелести, что до конца оставались неисправимыми и не принимали совета ни от одного брата; иные, по внушению бесовскому, сами себя убивали, низвергались в стремнины, удавливались. И кто может исчислить все прельщения, в какие ввергал таковых враг! Если не всякий из держащихся такого образа молитвы терпит вред, то спасаются главным образом те, которые живут в обителях с другими братьями. Но все же они проводят жизнь без всякого успеха... Бывают видения и истинные, – опытные умеют их различать от порождений своего воображения и привидений бесовских; но как на деле людей неопытных более, чем опытных, и к тому же враг слишком хитер, то поставлено вообще законом (духовной жизни) не принимать никаких видений и не доверяться им. «Внимай себе тщательно, рачитель Божиего дела, – пишет св. Григорий Синаит, – и разумно совершай дело свое. Если увидишь свет или огонь, вне себя или внутри, или образ какой, Христа, например, или Ангела, или иного кого, – не принимай того, чтобы не потерпеть вреда. И уму своему не попускай строить в тебе такие образы: это внешнее дело и ведет к прелести. И если заметишь, что будто тянет кто ум твой к таким внешним воображениям, – не поддавайся, держись внутрь, и совершай дело внимания к Богу без всяких образов».

Еп. Феофан

* * *

Переходим теперь ко второму неправильному образу молитвы. Как мы сказали выше, первый неправильный образ молитвы, какую можно назвать *мечтательной молитвой*, происходит от того, что иные действуют в нем преимущественно воображением и фантазией.

Эти силы составляют первую инстанцию в движении отвне внутрь, которую следовало бы миновать, а вместо того останавливаются на ней. Вторую инстанцию на пути внутрь представляет рассудок, разум, ум, вообще рассуждающая и мыслящая сила. Следует и ее миновать и вместе с нею сойти в сердце. Когда же останавливаются на ней, то происходит второй неправильный образ молитвы, отличительная черта которого та, что *ум, оставаясь в голове, сам собою все в душе хочет уладить и всем управить*, но из трудов его ничего не выходит. Он за всем гоняется, но ничего одолеть не может и только терпит поражения.

Еп. Феофан

* * *

Второй образ есть такой, когда кто сводит ум свой к себе, отвлекая его от всего чувственного, и хранит чувства свои, и собирает все помыслы свои, чтобы они не скитались по суетным вещам мира сего, и то исследует помыслы свои, то внимает словам произносимой молитвы, то возвращает к себе свои помыслы, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему-нибудь суетному и худому, то снова с большим трудом и принуждением приходит в себя самого, если был возобладан и побежден какою-либо страстью.

Преп. Симеон Новый Богослов¹⁶

* * *

А между тем, как происходит это брожение в голове, сердце идет своим чередом; его никто не блюдет, и на него набегают заботы и страстные движения. Тогда и ум себя забывает и убегает к предметам забот и страстей; и уже разве когда-то когда опомнится.

Еп. Феофан

* * *

Имея такой подвиг и такую брань внутри самого себя, он никогда не может быть мирен или найти время творить добродетель и получить венец правды. Ибо он подобен ведущему брань со своими врагами ночью во тьме, слышит голоса врагов и раны от них получает, но не может ясно видеть, кто они, и откуда пришли, и как, и ради чего борются с ним. Так как тьма, которая находится в уме его, и буря, которую он имеет в помыслах, приносят ему этот ущерб, и он никак не может освободиться от своих мысленных врагов, чтобы они не сокрушали его; и несет большой труд, награды же лишается, ибо окрадывается тщеславием, не

---

¹⁶ Преп. Симеон Новый Богослов, родом из Галата, подвизался в Студийской обители, затем в обители св. Маманта. Скончался в 1032 г. Оставил после себя богословские труды, из которых наиболее известными являются: «Главы деятельные богословские», «Слово о вере», «Слово о трех образах молитвы». Память 12/25 марта.

замечая сего, и думает о себе, что он внимателен; и много раз от гордости презирает других и осуждает их, и считает себя, в своем воображении, достойным быть пастырем овец и путеводительствовать их, уподобляясь слепцу, пытающемуся водить других слепцов. Таков второй образ внимания, и каждый, желающий себе спасения, должен быть очень внимателен и замечать вред, какой он причиняет душе. Впрочем, этот второй образ (молитвы) лучше первого, как лунная ночь лучше безлунной.

Преп. Симеон Новый Богослов

Епископ Феофан называет этот образ молитвы *умно-головным*, в противоположность третьему – ум но-сердечному, или сердечно-умному.

* * *

«Третий образ внимания и молитвы, – приводит еп. Феофан слова св. Симеона, – есть вещь воистину преславная и неудобоизъяснимая, даже невероятная, пока кто не испытает ее делом.

И в наши времена не у весьма многих найдешь ты его. Тут нет того, чтобы ум свой занимать воображениями небесных вещей, или, держа ум в голове только, гоняться безуспешно за помыслами, оставляя сердце быть пораженным, когда и как придется. Что же это такое? Приготовлением к этому образу молитвы служит совершенное послушание духовному отцу своему, сопровождаемое беспопечением, и хранение совести своей чистою перед Богом, перед своим духовным отцом, перед всеми людьми и в отношении ко всем вещам. Перед Богом хранить совесть свою чистою значит не делать ничего, о чем знаешь, что оно неприятно и негодно Богу; хранить совесть свою чистою перед духовным отцом значит ничего – ни больше, ни меньше – не делать против заповеданного им; к иным людям хранить совесть свою чистою значит не делать им ничего, чего не хочешь, чтобы они делали тебе; к вещам хранить чистою совесть значит беречься злоупотребления, но все употреблять надлежащим образом, – пищу, питье, одежду и прочее. Коротко: все должен ты делать, как пред лицом Бога, чтобы совесть отнюдь ни в чем не обличала тебя, что ты не хорошо сделал то или это. Устраиваясь так, приступи к прохождению третьего образа внимания и молитвы, который состоит в следующем: ум во время молитвы да пребывает неисходно внутри сердца, и оттуда, то есть из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. Когда вкусит он потом из среды сердца, яко благ Господь, и усладится тем, тогда не станет уже более исходить из места сердечного, говоря, как некогда апостол Петр: *добро есть нам zde быти* (ср.: Мф. 17, 4); но будет всегда зреть внутри сердца и там пребывать, вымышляя образ некий прогонять все помыслы, всеваемые туда врагом. Тем, которые не извели еще этого спасительного делания, кажется оно весьма трудным и стеснительным; те же, которые вкусили сладость его во глубине сердца своего, зывают с апостолом Павлом: *Кто ны разлучит от любви Божия* (Рим. 8, 35). Св. отцы наши, слыша слово Господа, что *от сердца исходят помышления злые – убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы – и сквернят человека* (ср.: Мф. 15, 18), слыша также заповедь Его очищать *внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто*, оставили всякое иное дело и всю ревность свою, весь подвиг свой обратили на хранение сердца, наверно зная, что этим деланием удобно стяжать и всякую другую добродетель; а без него не успеют ни в одной. Это делание некоторые из отцов назвали безмолвием сердечным, иные – вниманием, иные – трезвением, иные – хранением ума. Они все упражнялись в нем и сподобились небесных дарований. Кто хочет знать о том, пусть читает препп. Марка Подвижника, Иоанна Лествичника, Исихия, Филофея Синайского, авву Исаию, преп. Варсонофия и других.

Вот как надобно проходить эти делания. Три вещи необходимо тебе хранить прежде всего другого: *первое*, беспопечение о всякой вещи, благословной и неблагословной; *второе*, совесть чистую во всем, так, чтобы она ни в чем тебя не обличала; и *третье*, беспристрастие совершенное, чтобы помысл твой не уклонялся в пристрастие ни к чему мирскому. Утвердив все это в сердце твоём, сядь в каком-нибудь безмолвном месте, наедине, в углу, затвори дверь, собери ум твой, отвлекши его от всякой привременной и суетной вещи, прижми к груди бороду, сдерживай немного дыхание твоё, низведи ум твой в сердце твоё, обратив туда и чувственные очи, и, внимая ему, держи там ум свой, и пробуй умом найти место, где находится сердце твоё, чтобы там был совершенно и ум твой. Сначала ты встретишь там тьму и жесткость; но потом, если будешь продолжать это дело внимания день и ночь, найдешь там непрестанное веселие. Ум, подвизаясь в этом, найдет место сердечное и тогда скоро увидит там то, чего никогда не видал и не ведал, – увидит себя светлым, исполненным благоразумия и рассуждения. И оттоле впредь, откуда бы ни возник и ни явился какой помысл, прежде чем войдет он в сердце и изобразится в нем, будет он отгонять его оттуда и потреблять именем Иисусовым, говоря: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!” И с этих пор ум человеческий начинает уже иметь памятозлобие и ненависть к бесам, и непрестанную борьбу, и воздвигает на них естественный гнев, и гонит их, бичует и истребляет. Остальное же, что обычно бывает при этом, узнаешь после, с помощью Божией, сам, своим опытом, посредством внимания ума твоего, держа в сердце Иисуса, то есть означенную молитву: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!”

При этом не забывай следующее мудрое наставление св. Иоанна Лествичника. Он уподобляет дело спасения лестнице о четырех ступенях и говорит: одни укрощают и ослабляют страсти; другие поют, то есть молятся устами своими; иные упражняются в умной молитве, а иные восходят к видению. Хотящие восходить по этим четырем ступеням не должны начинать сверху, но должны восходить снизу, и ступив на первую ступень, восходить с нее на вторую, потом на третью и, наконец, уже на четвертую. Этим путем всякий может подняться от земли и взойти на небо. И сначала нужно подвизаться в укрощении и умалении страстей; потом упражняться в псалмопении, то есть навикнуть молиться устно; и когда страсти умалются, тогда молитва по самой природе своей уже доставляет веселье и сладость языку и становится благоугодной Богу. Далее, нужно молиться умно; и, наконец, восходить к видению.

И первое есть дело новоначальных, второе – возрастающих в преуспейнии, третье – достигших до конца преуспейния, и четвертое – совершенных».

Преп. Симеон Новый Богослов

Иерей. Учение преп. Симеона Нового Богослова о трех образах внимания и молитвы исполнено глубины, тонкости и ясности в описании внутреннего состояния человека и видов молитвенного делания. Оно дало мне об этом предмете новые понятия, каких я до сих пор не имел. Но мне кажутся странными и ненужными те внешние механические приемы собирания внимания ума в сердце, какие он рекомендует своим ученикам. Да и не меня одного смущают эти советы в делании Иисусовой молитвы. Я знаю людей, которые не только с недоумением, но даже с некоторой насмешкой относятся к этим внешним приемам; из-за этих внешних приемов они не видят самого существа Иисусовой молитвы, которое вы так обстоятельно мне разъясняете, и относятся к этой молитве отрицательно. Это почувствовал, по-видимому, и епископ Феофан, который в своем переводе Добротолубия счел даже возможным опустить описание этих внешних приемов сосредоточения внимания ума в сердце.

Инок. Вы не правы, смущаясь словами и советами преп. Симеона Нового Богослова, а также и некоторых других древних отцов Церкви о внешних приемах Иисусовой молитвы. Епископ Феофан, действительно, в Добротолубии опустил описание этих приемов, но в книге «Письма о духовной жизни» дает их подробное описание. Смущаться здесь нечем.

Прежде всего нужно помнить, что эти внешние приемы, по заявлению самих подвижников, не составляют существенной стороны в делании Иисусовой молитвы и являются только вспомогательным средством к нахождению того места, где должно быть сосредоточено внимание ума при Иисусовой молитве. Известно, что наша духовная жизнь тесно связана с нашей телесной жизнью. И как дух наш влияет на наше тело, так и наоборот, наше тело влияет на наш дух. Архиепископ Феофан Полтавский в одном из своих писем говорит, между прочим, что благочиние тела при молитве содействует благочинию духа.

Внешняя обстановка может содействовать или препятствовать молитве. Например, окружающая тишина, полумрак и самое положение тела могут располагать к сосредоточению внимания. Отцы Церкви знают, что с изменением физического места внимания меняется самоощущение тела, а в зависимости от этого меняется и характер молитвы, и она может приобретать нежелательные и опасные оттенки. – Они должны были заботиться о точном указании места сосредоточения внимания при молитве, потому что иные простые монахи не имели даже понятия о границах сердца и готовы были относить к сердцу всю область живота, смешивая, вероятно, область сердца с областью чрева на основании Евангелия от Иоанна (см.: Ин. 7, 38), и других подобных мест Священного Писания, и, собирая там свое внимание, возбуждали в себе самые нежелательные физические ощущения.

Не забывайте и того, что весь этот труд молитвенного делания как в духовном, так и в физическом отношении, должен совершаться, по учению отцов, под неослабным наблюдением и руководством опытных старцев, чем обеспечивается правильность его прохождения. Самочинное же его прохождение без опытного руководства может привести к печальным результатам как в духовном, так и в физическом отношении. Если вы примете все это во внимание, то для вашего предубеждения не остается места.

Разрешите перейти к дальнейшему рассмотрению делания Иисусовой молитвы. Следуя тому порядку, которого епископ Феофан держится в своей книге «Письма о духовной жизни». Остановимся на учении о молитве преп. Григория Синаита.

* * *

Следовало бы нам, принявшим духа жизни о Христе Иисусе, чистою в сердце молитвою херувимски беседовать с Господом; но мы, не разумея величия, чести и славы благодати возрождения и не заботясь о том, чтобы возрасти духовно через исполнение заповедей и востечь до состояния умного созерцания, предаемся нерадению, через что впадаем в страстные навыки и, таким образом, низвергаемся в бездну нечувствия и мрака. Бывает и то, что мы даже мало помним – есть ли Бог; а каковы мы должны быть, как чада Божии по благодати, о том нередко и совсем не знаем. Веруем, но верою недейственной, и по обновлении духом в Крещении, не перестаем жить плотски.

Преп. Григорий Синаит

Если иногда, покаившись, и начинаем исполнять заповеди, то исполняем их только внешне, а не духовно, и до того отвыкаем от духовной жизни, что проявления ее в других кажутся нам неправостями и заблуждениями. Так до самой смерти пребываем мы мертвыми духом, живя и действуя не о Христе и не соответствуя тому определению, что рожденное от Духа должно быть духовно.

Преп. Григорий Синаит

Принятое нами о Христе Иисусе во Святом Крещении не истребляется, а только зарывается, как некое сокровище в землю. И благоразумие, и благодарность требуют позаботиться о том, чтобы открыть его и привести в ясность. К этому ведут следующие способы:

во-первых, дар этот открывается многотрудным исполнением заповедей: сколько исполняем заповеди, столько и дар сей обнаруживает свою светлость и свой блеск. *Во-вторых*, приходит он в явление и раскрывается непрерывным призыванием Господа Иисуса, или, что то же, непрерывной памятью о Боге.

И *первое* средство могущественно, но *второе* могущественнее, так что и первое от него получает полную свою силу. Посему, если искренно хотим раскрыть сокрытое в нас семя благодатное, то поспешим скорее навывкнуться сему последнему сердечному упражнению и иметь всегда в сердце это одно дело молитвы, безвидно и невоображенно, пока оно согреет сердце наше и распалит его до неизреченной любви ко Господу.

Преп. Григорий Синаит

Действие молитвы в сердце бывает двояким образом: иногда ум предваряет, прилепляясь к Господу в сердце непрерывной памятью; иногда действие молитвы, само подвижшись предварительно огнем веселия, привлекает ум в сердце и привязывает его к призыванию Господа Иисуса и благоговейному Ему предстоянию. (К этим словам преп. Григория еп. Феофан делает пояснение – “Первая молитва есть трудовая, вторая – самодвижная”). В первом случае действие молитвы начинает открываться, по умалении страстей, исполнением заповедей, теплотой сердечной, вследствие усиленного призывания Господа Иисуса; во втором Дух привлекает ум к сердцу и водружает его там в глубине, удерживая от обычного скитания. И тогда он не бывает уже как пленник, отводимый из Иерусалима к ассириянам, а напротив, совершает переселение из Вавилона в Сион, взывая с пророком: *Тебе подобает петь, Боже, в Сионе, и Тебе воздастся молитва во Иерусалиме.*

Преп. Григорий Синаит

От этих двух видов молитвы и ум бывает то деятельным, то созерцательным; деянием он, с помощью Божией, побеждает страсти, а созерцанием зрит Бога, сколько это доступно человеку.

Преп. Григорий Синаит

Делательная умно-сердечная молитва совершается так: сядь на седалище в одну пядь, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его в нем; потом болезненно, преклонившись и боля персями, плечами и шеей (от напряжения мышц), взывай умно-сердечно: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Удерживай при этом и дыхание, не дерзостно дыши, потому что это может развеять мысли. Если увидишь, что возникают помыслы, не внимай им, хотя бы они были простые и добрые, а не только суетные и нечистые. Держа дыхание, сколько тебе возможно, заключая ум в сердце и призывая Господа Иисуса часто и терпеливо, ты скоро сокрушишь и истребишь их, поражая невидимо Божественным именем. Св. Лествичник говорит: «Иисусовым именем бей ратников; крепче этого орудия нет другого ни на небе, ни на земле».

Преп. Григорий Синаит

Когда в таком труде изнеможет ум, возболзнуют тело и сердце от напряженного водружения частого призывания Господа Иисуса, так что это делание перестанет согревать и возвеселять, чем поддерживается усердие и терпение подвижников в этом труде: тогда встань и пой, один или с учеником твоим, или упражняйся в размышлении о каком-либо месте Писания, или в памяти о смерти, или займись чтением, или рукоделием, или другим чем, чтобы потрудить тело свое. (Пояснение еп. Феофана: Это писано для безмолвника. Другим следует сказать применительно к сему так: тогда встань и берись за обычные дела свои со страхом Божиим и вниманием к себе, не пропуская, однако же, обычных при этом духовных упражнений – чтения и размышления.)

Преп. Григорий Синаит

Когда возьмешься за это дело, тогда тебе прилично читать только такие книги, в которых излагается учение о внутренней жизни, о трезвении и молитве, именно Лествицу, Слова преп. Исаака Сирина, Аскетические писания преп. Максима Исповедника, препп. Симеона Нового Богослова, Исихия, Филофея Синайского и другие подобные творения. Писания иного рода все оставь до времени, не ради того, чтобы они были не хороши, а ради того, что тебе не благовременно ими заниматься, при настоящем твоём настроении и стремлении они могут отводить ум твой от молитвы. Читай не много, но с углублением и усвоением. Этим ум, укрепляясь, исполняется силою трезвенно и бодренно молиться. Многочтение (и тем паче чтение посторонних книг) расслабляет и омрачает ум и делает его бессильным и рассеянным в молитве. Что касается до дел твоих, то внемли себе и поминутно назирай за намерениями и целями твоими, точно определяя, куда они клонятся, – Бога ли ради, и самого добра, и душевного спасения делаешь ты все, что делаешь, чтобы не быть тебе окрадену без ведома, и не оказаться по виду только богоугодником, в душе же человекоугодником.

Преп. Григорий Синаит

Враг покушается окрасть всякое дело, чтобы оно было не по Богу совершаемо. Но пусть он неослабно ратует и бесстыдно наступают, – ты держи искреннее намерение богоугождения твердым и неизменным, и не будешь окраден. Хоть иногда мысль невольно и попарит к иным целям, при ослаблении внимания, – это извиняется и прощается ради того единого главного намерения и стремления сердца, которое зрит Всемогущий.

Преп. Григорий Синаит

Надобно знать, что верный признак доброты подвига и вместе условие преуспевания через него есть приболезненность (о чем мы уже говорили в нашей первой беседе). Неболезненно шествующий не получит плода. Болезнь сердечная и телесный труд приводят в явление дар Духа Святого, подаемый всякому верующему во Святом Крещении, который нашим нерадением об исполнении заповедей погребается в страстях, по неизреченной же милости Божией опять воскрешается в покаянии.

Преп. Григорий Синаит

Не отступай же от трудов из-за болезненности их, чтобы не быть тебе осуждену за бесплодие и не услышать: *возьмите от него талант*. Всякий подвиг, телесный или душевный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: *Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Многие много лет неболезненно трудились и трудятся, но ради безболезненности этой были и есть чужды чистоты и непричастны Духа Святого, как отвергшие лютость болезней. В небрежении и расслаблении делающие трудятся будто и много, но никакого не пожинают плода по причине безболезненности. Если, по пророку Давиду, не сокрушатся чресла наши, изнемогши от постных трудов, и если мы не водрузим в сердце болезненных чувств сокрушения и не возболезнуем, как рождающая, то не возможем родить дух спасения на земле сердца нашего.

Преп. Григорий Синаит

Ума никто удержать не может, если не Дух Святой. Поползнувшись в падении, ум удался от Бога и водится всюду, как пленник. Не может он опять установиться, если не покорится Богу, и если, соединившись с Ним опять, не будет Им удерживаем в молитве. Когда придет действие молитвы, тогда оно удержит его у себя с веселием и не попустит ему быть пленяему в расхищение. Когда нападают помыслы и отвлекают от молитвы, сам своим оружием не борись с ними; но, вместо всякого оружия, призывай Господа Иисуса часто и терпеливо, – и отбегнут. Не терпя теплоты сердечной, от молитвы исходящей, они, как огнем

палимые, разбегутся. Бог наш есть огонь, поядая злобу. Скорый на помощь, Он тотчас сотворит отмщение усердно вопиющим к Нему день и ночь. Если недостаточно будет одного этого внутреннего взыскания, встань и, подражая Моисею, воздвигни руки и очи твои на небо, – и Бог поразит врагов твоих.

Преп. Григорий Синаит

Это действие призывания Бога на помыслы изображены одним из отцов в следующем сравнении: «Я, – говорит он, – подобен человеку, который сидит под большим деревом и видит, что к нему приближается множество зверей и змей. Если он не может стоять против них, то влезает на дерево и спасается. Так и я: сижу в своей келье и вижу злые помыслы, восстающие на меня; когда у меня не достает сил против них, прибегаю к Богу посредством молитвы и спасаюсь от врага».

Преп. Григорий Синаит

Не оставляй и молитвословия. В отношении к нему не все одинаково действуют: иные держат большое молитвенное правило, иные совсем оставляют молитвенник, молясь Господу одной умной молитвой. Ты же избери середину: не набирай много молитв, ибо отсюда – смущение, но и вовсе не оставляй их, на случай немощи и расслабления. Если видишь, что молитва действует в тебе и не перестает сама двигаться в сердце твоём, не оставляй ее и не берись за молитвенник. Это значило бы, оставив Бога внутри, выйти оттуда и извне простирать к Нему беседу. Тем, которые еще не имеют действия молитвы, надо много молитвословить, и даже без меры, чтобы непрестанно быть в этом многомолитвии и разномолитвии, пока от такого приболезненного труда молитвенного разогреется сердце и начнется в нем действие молитвы. Кто же вкусит, наконец, этой благодати, тому надобно молитвословить в меру, а больше пребывать в умной молитве, как заповедовали отцы. В случае расслабления надо молитвословить или прочитывать отеческие писания. Употребление весел излишне, когда ветер надул паруса; весла нужны тогда, когда спадет ветер и ладья остановится.

Преп. Григорий Синаит

Великое орудие на врагов имеет тот, кто в молитве держит плач сокрушенный, чтобы не впасть в самомнение от радости, подаваемой молитвой. Хранящий эту радостопечаль избегнет всякого вреда. Настоящая, не прелестная молитва та, в которой теплота, с молитвой Иисусовой, влагает огонь в землю сердца нашего и попаляет страсти, как терние. Она веселием и миром осеняет душу и приходит не от десной или шуией стороны, ни даже свыше, но прозябает в сердце, как источник воды от Животворящего Духа. Эту одну возлюби и возревнуй стяжать в сердце твоём, храни ум всегда немечтательным. С нею не бойся ничего, ибо Тот, Кто сказал: *держайте: Аз есмь, не бойтесь* (Мф. 14, 27). – Сам с нами. Кто, настроившись так, живет праведно и непорочно, чужд человекоугодия и высокомерия, тот устоит и не потерпит никакого вреда, хотя бы весь бесовский полк поднялся против него и навел на него бесчисленные искушения».

Преп. Григорий Синаит

* * *

Таково учение о молитве Иисусовой преп. Григория Синаита. Как видите, оно вносит некоторые новые подробности, разъясняющие дело молитвы.

Представлю вашему вниманию еще одно последнее начертание занимающего нас делания по учению Каллиста¹⁷, Патриарха Царьградского, и Игнатия, сотаинника его, руководствуясь книгой епископа Феофана «Письма о духовной жизни».

* * *

Начало жизни по Богу есть ревность и всеусердное тщание жить по спасительным заповедям Христовым; конец же – явление в совершенстве того, что вообразено в нас Божественной благодатью в Крещении, или, что то же, отложивши ветхого человека с деяниями и похотьми его, облещися в нового, духовного, то есть в Господа Иисуса Христа, как говорит божественный Павел: *Чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится в вас Христос* (Гал. 4, 19).

Свят. Каллист, Патриарх Царьградский

* * *

Когда мы крещаемся, тогда душа наша паче солнца сияет, очищаемая Святым Духом. Как серебро чистое, лежащее против солнечных лучей, и само лучи испускает не по естеству своему, но по причине осияния его солнцем: так и душа, очищаемая в крещении, принимает лучи от славы Духа Святого, и сама внутренне является славною. Но, увы! Слава сия, неизреченная и страшная, один или два дня пребывает в нас, а потом мы погашаем ее, наводя бурю житейских попечений и страстных дел.

Свят. Иоанн Златоуст

* * *

В Божественных ложеснах, то есть в священной купели, даром принимаем мы совершенную Божественную благодать. Если после того мы скрываем ее под тьмой житейских попечений и страстей, то можем опять восстановить и очистить ее покаянием и исполнением Божиих заповедей и узреть ее преестественную светлость.

* * *

Христос, совершен Бог сый, совершенную даровал крестившимся благодать Святого Духа, которая никакого приложения от нас не требует; открывается же она в нас и явною творится по мере исполнения заповедей, пока достигнем в меру возраста исполнения Христова.

* * *

Итак, начало и корень спасительного действия есть то, чтобы жить по заповедям Господа, а конец и плод, чтобы восстановить дарованную нам исперва Крещением совершен-

---

¹⁷ Свят. Каллист, Патриарх Царьградский (Константинопольский), ученик преп. Григория Синаита, подвизался на Афоне; дважды призывался для патриаршего служения на Константинопольской кафедре. Он установил на Литургии свят. Василия Великого, вместо «Достойно есть», петь «О Тебе радуется...». Исихаст, богослов. Память 20 июня по старому стилю.

ную благодать Святого Духа, которая в нас есть, ибо нераскаянны дарования Божии, но погребена страстями, и снова открывается исполнением Божиих заповедей. Подобаает нам возревновать об исполнении сих заповедей, чтобы сущее в нас дарование Духа Святого очистить и узреть яснее. *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам. Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у него сотворима* (Ин. 14, 21, 23).

* * *

Точное исполнение спасительных заповедей невозможно для нас без Господа Иисуса Христа, как Сам Он говорит: *без Мене не можете творити ничесоже*, и как исповедал апостол, что *ни о едином же ином спасение*: Он для нас *путь, истина и живот*. Посему-то славные наставники наши и учителя, с живущим в них Всесвятым Духом, премудро поучают нас прежде всякого другого дела Господу помолиться, и от Него без сомнения просить себе милости, и всесвятое и сладчайшее имя Его непрестанно иметь и носить всегда и в сердце, и в уме, и в устах, с ним непрестанно жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть и пить.

Ибо как в то время, когда нет в нас такого призывания, стекается на нас все худое и пагубное; так и в то время, когда оно в нас есть, все сопротивное отгоняется, ничто благое не оскудевает, и ничего не бывает, чего не могли бы мы исполнить, как Сам Господь сказал: *Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног* (Ин. 15, 5).

Из писем еп. Феофана о духовной жизни

Все св. отцы так учили. Свят. Иоанн Златоуст учит: «Молю вас, братие, никогда не переставать исполнять правил молитвы сей». В другом месте: «Должно всякому, ест ли он, пьет ли, сидит ли, служит ли, путешествует ли, или другое что делает, непрестанно вопить: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* – да имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубину сердечную, смирит змия пагубного, душу же спасет и оживотворит. Пребуди же непрестанно в призывании имени Господа Иисуса, чтобы сердце поглотило Господа и Господь сердце, и стали сии два во едино». И еще: «Не отлучайте сердца вашего от Бога, но храните в нем всегда память Господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа водружится внутрь сердца, и ни о чем другом не помышляйте, как только о том, чтобы возвеличился в вас Христос.

Из писем еп. Феофана о духовной жизни

Преп. Лествичник также учит: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим». И преп. Иси хий пишет: «Если хочешь покрыть стыдом помыслы и беспрепятственно трезвиться сердцем, молитва ко Господу Иисусу да прилепится к дыханию твоему, и в немного дней увидишь желание свое исполненным».

Из писем еп. Феофана о духовной жизни

Ведомо да будет, что если мы научим ум свой вместе с дыханием сходить в сердце, то заметим также, что, сходя туда, он единичен и наг бывает, держась одной памяти и призывания Господа нашего Иисуса Христа; напротив, исходя оттуда и простираясь на внешние предметы, не желая того, разделяется на многие представления и воспоминания. Для сохранения этой-то простоты и единичности ума и заповедано опытными в сем деле отцами, чтобы тот, кто возревновал приобрести навык трезвиться умом в сердце, сидел в безмолв-

ном и несветлом месте, а особенно в начале этого доброго подвига. Ибо видение внешних предметов естественно бывает причиной рассеяния мыслей; когда же безмолвная и темная храмина скрывает от нас внешнее, мысль перестает развлекаться и удобнее собирается в себя, как говорит свт. Василий Великий: «Ум, не простираемый чувствами на мир, к себе возвращается». Заметь тщательно, что существо этого подвига состоит в единомысленном сердечном, чистом и непарительном призывании с верой Господа нашего Иисуса Христа, а не в этом одном схождении до сердца путем дыхания и сидения в безмолвном и темном месте. Все это и подобное изобретено отцами не для другого чего, как ради того, что в этом они видели некое пособие к собиранию мыслей и возвращению их к себе от обычного парения. От навыка же быть собранным и внимать себе рождается уже и навык чисто и непарительно молиться умом в сердце.

Из писем еп. Феофана о духовной жизни

Ведай и то, что все эти приспособительные положения тела предписываются, определяются подробными правилами и считаются нужными, пока мы не стяжали еще чистой и непарительной в сердце молитвы. Когда же благоволением и благодатью Господа нашего Иисуса Христа достигнешь сего, тогда, оставив многие и различные делания, с Единым Господом пребудешь соединенным паче слова в чистой и непарительной молитве сердечной... Редкие, однако же, и едва один из тысячи, сподобляются достигнуть в это устроение благодатью Христовой; а чтобы еще дальше пройти и сподобиться духовной молитвы и предвкусить тайны будущего века, едва в родех и родех обретается кто достойный того. Итак, хочешь ли самым делом сподобиться жизни о Христе Иисусе, потщись достигнуть того, чтобы во всякое время и всякий час и при всяком деле чисто и непарительно молиться Господу в сердце, чтобы таким образом с возраста младенца возмог ты dospеть *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Не забудь при этом, что когда по временам будет приходить тебе самоохотная, чистая молитва, ты ни под каким видом не должен разорять ее своими правилами молитвенными. Так учит Филимон: «Ночью ли, днем ли, сподобит тебя Господь чистую и непарительную ощутить в себе молитву, оставь тогда правила свои и, сколько есть сил, простирайся прилепляться к Господу Богу, и Он просветит сердце твое в делании духовном. Когда же сподобишься неотходного пребывания молитвы в сердце, как говорит преп. Исаак Сирий, тогда достиг ты конца всех добродетелей и стал жилищем Святого Духа; тогда не престанет молитва, сидишь ли или ходишь, ешь или пьешь, или другое что делаешь; даже в глубоком сне молитвенные благовония восходить будут из сердца без труда; если и умолкнет она во сне, но внутрь, тайно всегда священнодействоваться будет, не переставая».

Из писем еп. Феофана о духовной жизни

* * *

Приведя все эти выписки из св. отцов-подвижников о художественной молитве Иисусовой, епископ Феофан сопровождает их следующими, заслуживающими нашего внимания, замечаниями: «Во всех почти статьях Добротолюбия говорится об умном предстоянии Господу. Я взял только тех учителей, которые поминают и о телесных при этом приемах, или некотором искусственном приспособлении себя к тому. Все они считают полезным и до времени нужным это телесное приспособление, но существо дела полагают не в нем. Все их внимание обращено на то, чтобы дать руководство к успешнейшему навыку в делании умной молитвы, или на это самое умное Господу в сердце предстояние, в котором существо дела.

Не чуждо будет смысла их предписаний сказать: как хочешь держи себя, только успевай приобрести это последнее. Мы же предлагаем тебе такие положения тела, какие сами держали и от которых получили пользу. Есть, однако же, между этими телесными деланиями и такие, которые как бы срастаются с умной молитвой и никогда от нее не отходят. Необходимо вниманием стоять в сердце, необходимо все тело держать в бодренном напряжении мышц, и вниманию своему не позволять поддаваться и увлекаться внешними впечатлениями чувств. Эти условия, в какой форме хочешь и можешь, в такой и исполняй. Темное и уединенное место считается нужным для отстранения внешних впечатлений; но если ты можешь отвлекать себя от этих впечатлений и среди множества их, оставайся где хочешь. Сидеть на малом стульце, стеснить дыхание, болеть плечами, шеей, грудью советуется ради того, чтобы поставить в бодренное направление тело; но если ты можешь как-нибудь иначе это исполнить или делать это одним внутренним напряжением мышц, делай, как находишь удобнее, только не распускай членов тела. Сведением ума в сердце путем дыхания указывается на тот случай, если ты не знаешь, где остановиться вниманием или где сердце; а если ты и без этого знаешь, как найти сердце, делай, как знаешь, только установись в сердце. Указывается призывать Господа сими словами: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!” Но ты можешь и эти слова сокращать и изменять, или заменять другими, даже без слов умно предстоять Господу; ибо не в словах сила, а в настроении ума и сердца. Зная, однако же, все это, ты не должен пренебрегать сказанным положением тела. Всячески телу надобно же дать какое-либо положение; но если опыт показал, что такие и такие положения тела очень пригодны к деланию умной молитвы и успеху в ней, то какая нужда отступать от них или изобретать новые? Тем более, что по приобретении успеха в молитве некоторые из приемов сами собою отстраняются, как отнимаются подмости, когда отстроен бывает дом».

* * *

Я считаю полезным познакомить вас с этими оговорками и пояснениями епископа Феофана, чтобы еще раз подчеркнуть ту мысль, что все внешние приемы в делании молитвы Иисусовой имеют не существенное, а лишь вспомогательное значение, и это всегда должен помнить каждый делатель умной молитвы, чтобы не принять второстепенное за главное.

Все, о чем мы говорили до сих пор, относится к деятельной или трудовой Иисусовой молитве, то есть той молитве, в которой преобладают усилия самого молящегося, когда он принуждает себя к молитве, борется с рассеянностью внимания, с блужданием мысли, с натиском помыслов и страстей, пытается установиться вниманием в сердце. Эта молитва еще не имеет совершенной чистоты, не свободна от рассеяния мысли и от нападения помыслов и страстей, еще не совершенно сосредоточена в Боге.

Такова молитва огромного большинства молящихся Иисусовой молитвой. Большинство с нею доходят и до конца своего земного существования. Как уже было сказано, чистой молитвы достигает один из тысячи. С этим обстоятельством должен считаться и должен его помнить каждый молящийся, он не должен смущаться этим. Ибо при всех своих трудностях делательная молитва не теряет своего значения, но укрепляет сердце молящегося и подготавливает его к иной, высшей молитве.

* * *

Трудись, напрягайся, ищи – и обрящешь; толцы – и отверзется тебе. Не ослабевай и не отчаивайся. Но при всем том помни, что труды сии составляют только опыт усилий с нашей стороны к привлечению благодати, а не самое дело, которого мы еще ищем. Не достает главного – благодатного возбуждения. Очень заметно, что рассуждаем ли, молимся ли, или дру-

гое что делаем, – втесняем как бы нечто чуждое в свое сердце, совне. Бывает, что соответственно силе напряжения некое воздействие от сих трудов низойдет до известной глубины в сердце, но потом опять оттуда извергается по какой-то упругости непокоривого и непривычного к тому сердца, подобно тому, как извергается из воды палка, вертикально погруженная в воду. Тотчас же после сего опять начинается холодность и дебелисть на душе – явный признак, что тут не было благодатного воздействия, а один наш труд и наше усилие.

Еп. Феофан

Не успокаивайся на одних этих делах и не почивай на них, как будто они и были то, что тебе следует сыскать. Опасное заблуждение! Равно опасно думать, что в этих трудах заключается заслуга, за которую необходимо должна быть ниспослана благодать. Совсем нет! Это только приготовление к принятию, самое же дарование совершенно зависит от воли Раздаятеля.

Еп. Феофан

При рачительном употреблении всех предуказанных средств ищущему следует еще ожидать посещения Божия, которое, впрочем, не приходит с усмотрением, и никто не знает, откуда оно приходит. Когда придет сия возбуждающая благодать, только тогда начнется настоящее внутри дело перемены жизни и нрава. Без того успеха и ожидать нельзя, – будут одни попытки неудачные. Свидетель тому блаженный Августин, который долго маялся сам над собою, а одолел себя уже тогда, когда осенила его благодать. Трудись, ожидая, в верной надежде. Придет – и все устроит.

Еп. Феофан

* * *

Переходим теперь к более подробному описанию благодатных состояний при молитве Иисусовой. Начнем с предостережения. Истинное благодатное состояние надо отличать от состояния мнимо-благодатного, воображаемого.

* * *

Необходимо строго разграничивать подлинную внутреннюю жизнь во Христе от ложного мистицизма и квиетизма¹⁸, который есть болезненное порождение ложно направленной религиозности. В ложном мистицизме увлекающиеся им люди ищут доброго дела, – живого общения с Богом, но ищут не тем путем. А главное, надеются своими усилиями и как бы по праву завладеть тем, чего надлежит ожидать от милости Божией и что надлежит принять, как дар этой милости. В напряжениях этого самонадеянного самочиния разгорается воображение и порождаются мечтательные ожидания, которые, как жарко желаемые, скоро кажутся и считаются исполнившимися, а цель трудов достигнутой. Все это раскрашивается самыми привлекательными красками и представляется в образах прелестных, в мечтательных заоблачных созерцаниях.

Еп. Феофан

Истинная во Христе жизнь есть жизнь сокровенная, таинственная. Апостол Павел называет ее *животом, сокровенным со Христом в Боге* (ср.: Кол. 3, 3); апостол Петр – *пота-*

---

¹⁸ *Квиетизм – католическое учение о соединении с Богом путем собственных аскетических подвигов.*

енным сердца человеком (ср.: 1 Пет. 3, 4); Сам Спаситель – Царствием Божиим внутри нас (ср.: Лк. 17, 21). Но в явлении своем она очень проста.

Еп. Феофан

Неведомо, как приходит Дух и возбуждает к покаянию. Совершив этот внутренний переворот, Он потом вооружает верующее сердце на многотрудную борьбу со страстями, руководит в ней и помогает. Эта борьба есть у всякого, более или менее долгая и болезненная; она приводит к чистоте сердечной, ради которой верующий труженик устает и ясного постижения истин Божиих и сладчайшего ощущения, – того и другого в таких чертах, какие точно определены в Евангелии и Посланиях Апостольских. Это последнее является уже в конце долгих трудов и многих испытаний, как венец наградный. Мистики же за эту верхнюю точку совершенства, прямо или преимущественно, и хватаются, и ее-то и живописуют, как она рисуется в мечтах их воображения, всегда в ложных красках. Истину можно открыть только по опыту, только по вкушении духовных благ самым делом, а мистики самими мечтами своими заграждают для себя настоящую туда дорогу. Напротив, в писаниях отеческих меньше всего говорится об этих высших состояниях, а все о трудах покаяния, борьбы со страстями и разных при этом случаях.

Из писем еп. Феофана о духовной жизни

Бывают состояния, когда крепко захочется помолиться или когда потянет на молитву. Это испытывают все в большей или меньшей степени, и на переходе от самотрудного искания к живому богообщению, и по достижении его. Состояние это похоже на то, в каком бывает человек, когда о чем-либо задумывается. Задумавшийся уходит внутрь себя и сосредоточивается в своей душе, не обращая внимания на свою внешнюю обстановку, на лица, вещи и события. То же и здесь; только там – дело ума, а здесь – дело сердца. Находит влечение к Богу, душа собирается в себя и становится перед лицом Бога и, или изливает пред Ним свои надежды и болезни сердечные, как Анна, мать Самуилова, или славословит Его, как Пресвятая Дева Мария, или стоит перед Ним в изумлении, как часто стоял апостол Павел.

Еп. Феофан

Все своеличные действия – мысли, намерения, – прекращаются, и все внешнее отходит от внимания. Душе самой не хочется заниматься ничем посторонним. Бывает это и в церкви, и даже на молитвенном правиле, или при чтении и размышлении, может быть даже во время каких-либо внешних занятий, и среди общества. Однажды испытавший это влечение может помнить о нем, желать повторения его, напрягаться к нему, но сам своим усилием не привлечешь его: оно находит.

Еп. Феофан

Произволению нашему остается одно: когда найдет, не позволяй себе расстраивать его, а попейсь, сколько сил есть, дать ему простор побольше побыть в тебе. Можно назвать это проявлением настоящего молитвенного духа, или ощущениями приближения Божия, которые в руках благодати... В них предуказывается, чего надобно искать и домогаться; и вместе свидетельствуется, что труды искания, доселе подъятые, не пропадают даром, и тем возгревается ревность к неутолимейшему исканию... Конец же искания тот, чтобы это временное состояние сделалось постоянным, не в том, конечно, виде, но в том же существе дела. Когда это придет, тогда в душе совершится раскрытие Царствия Божия.

Еп. Феофан

Что это за Царствие Божие? Царствие Божие в нас есть, когда Бог царствует в нас, когда душа в глубине своей исповедует Бога своим Владыкою и покорствуется Ему всеми силами, и Бог властно действует в ней... Начало сему Царствию полагается в момент решимости рабо-

тать Богу в Господе Иисусе Христе, благодатью Святого Духа. Тогда человек христианин свое сознание и свободу, в которых состоит собственно существо человеческой жизни, предает Богу, а Бог принимает эту жертву, и таким образом происходит союз человека с Богом и Бога с человеком, восстанавливается завет с Богом, прерванный падением и прерываемый произвольными грехами. Этот внутренний союз запечатлевается, утверждается и делается сильным к стоянию и самосохранению благодатной силой в Божественном Таинстве Крещения, а для падавших по Крещении – в Таинстве Покаяния, и потом постоянно подкрепляется в Святом Причащении.

Еп. Феофан

Говоря о Царствии Божием в нас, всегда надобно прибавлять: в Господе Иисусе Христе, благодатью Святого Духа. В этом печать *христианского* в нас Царствия Божия. Бог над всеми Царь, как Творец и Промыслитель; но истинно в душах царствует Он, и в душах истинно исповедуется Царем только по восстановлении прерванного падением союза с Ним душ; а это совершается Духом Святым в Господе Иисусе Христе, Спасителе нашем.

Еп. Феофан

Царствие Божие в нас сначала сокровенно содержится, потом обнаруживается, наконец, раскрывается, или является в силе. Обнаруживается оно показанными невольными влечениями внутрь пред Бога. Тут душа не самовластна, а подлежит стороннему воздействию. Кто-то берет ее и вводит внутрь. Это Бог, благодать Духа Святого, Господь и Спаситель.

Еп. Феофан Пока эти влечения не покажутся, а они показываются не вдруг, – человек, по-видимому, дейст вует более сам, при скрытой помощи благодатной. Он напрягается вниманием и благонамерениями быть в себе, Бога помнить, отгонять пустословие и худомыслие и всякое дело богоугодно совершать, напрягается и трудится до утомления, но успеть в этом ему никак не удастся: и мысли его расхищаются, и страстные движения одолевают его, и в делах оказываются нестроения и ошибки; все это от того, что Бог еще не являет Своего властвования над душой.

Еп. Феофан

А как только покажется это, а показывается оно при сказанных влечениях, тотчас все внутри приходит в строй... Тут, разумеется, не необыкновенное какое состояние, а такое, какое обще всем, и какое бывает у всех, не нерадящих о спасении. Только бывает оно в разных степенях силы и длительности, а в существе одно и то же, начиная с легких движений, скоро преходящих, до невозмутимых внутренних предстояний Богу, продолжающихся иногда целые часы...

Кто поймет звание и взыщет, то влечения те станут учащаться и более длиться, пока достигнут постоянного и неизменного водворения в сердце... Когда это состояние отойдет, тогда опять начнется блуждание мыслей и приражение страстных движений. Душа с неба спускается опять на землю, из света – в сумрак, из легкого покоя – в многотрудное делание. Терпи и жди, пока опять придет это обнаружение Царствия Божия в сердце. Так будет до тех пор, пока Богу угодно будет закрепить это углубленное внутрипробывание навсегда и сделать его неотходным и неизменным. Искание этого последнего и есть собственно искание Царствия Божия; появление же его – раскрытие Царствия.

Еп. Феофан

* * *

Божественное действие – невещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, невообразимо, необъяснимо никаким сравнением, заимствованным из сего века; приходит, действует таинственно. Сперва показывает человеку грех его, растит в очах человека грех его, непрестанно держит страшный грех перед его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть гибели, в которую ниспал род наш согрешением нашего праотца; потом мало-помалу дарует сугубое внимание и сокрушение сердца при молитве.

Приготовив таким образом сосуд, внезапно, неожиданно, невещественно прикасается рассеченным частям, – и они соединяются воедино. Кто прикоснулся? – Не могу объяснить: я ничего не видел, ничего не слышал, но вижу себя измененным, внезапно ощутил себя таким от действия самовластного. Создатель подействовал при воссоздании, как действовал Он при создании... От прикосновения руки Его ко всему существу моему ум, сердце и тело соединились между собою, составили нечто целое, единое; потом погрузились в Бога, – пребывают там, доколе их держит там невидимая, непостижимая, всемогущая рука.

Еп. Игнатий

* * *

Указанный выше порядок возникновения в нас благодатной духовной жизни, или раскрытия Царствия Божия в нас, – сопутствуется возникновением в нас горения духа или духовной теплоты.

Не только ум срастворяется с памятью о Боге и проникается ею, но и все наше существо духовное вступает в живое богообщение: *Бог огонь есть* (Евр. 12, 29). И вот теплота и горение духа водворяются в нас с момента раскрытия в нас Царствия Божия. Эта черта осязательнее всех, доступнее для понятия и больше дает удобства к объяснению проявлений духовной жизни. Известно, что когда человек в чувстве, тогда он весь сковывается этим чувством, и готов, и силен бывает беспрекословно сделать все, к чему побуждает его то чувство.

Еп. Феофан

Чувство походит на рычаг или на руль в управлении своим внутренним. Его-то и добиваются, оно-то и дается. Что более всего озабочивает ищущего, так это внутреннее нестроение в мыслях и желаниях; вся его ревность обращена на то, как бы устранить это нестроение. К этому другого способа нет, как добыть это духовное чувство или эту теплоту сердечную при памяти о Боге. Как только зародится эта теплота, мысли улягутся, внутренняя атмосфера станет ясна, станут видимы все зарождения добрых и недобрых движений души, и получится власть на отгнание последних.

Еп. Феофан

И на внешнее расходуется этот внутренний свет, и там дает он возможность отличать должное от недолжного, сообщая и крепость установиться в первом, несмотря ни на какие препятствия; словом, тогда начинается истинная, действенная, духовная жизнь, которая доселе была только в искании, а если и проявлялась, то урывками... Теперь же, зародившись в сердце теплота остается неотходной, и неотходным держит при себе внимание ума. Когда ум в сердце, – это и есть сочетание ума с сердцем, представляющее целостность нашего духовного организма.

Еп. Феофан

Как в физическом мире трут дерево об дерево и получают теплоту и даже огонь; или держат вещь на солнце, и она согревается, а если сосредоточить побольше лучей, то и загорается; так бывает и в духовном мире: трение – труды подвижничества, держание на солнце – Иисусова молитва. Когда все это будет проходить с усердием, неленостно и неопустительно, – милостив Господь, – затеплится огонек в сердце, который будет свидетельствовать о зарождении в средоточии естества нашего внутренней духовной жизни или о воцарении Господа в нас.

Еп. Феофан

Сознание все сосредотачивается в сердце и стоит пред лицом Господа, изливая пред Ним свои чувства, более же всего болезненно припадая к Нему в смиренных чувствах покаяния, с соприсущей готовностью весь живот свой посвящать на служение Ему Единому.

Еп. Феофан Вместе с образованием такого строя прекращается все нестроение, которое характеризовало внутри до этого момента, в период искания, в это переходное состояние томления. Неудержимое брожение мыслей прекращается; атмосфера души становится чистой и безоблачной: стоит одна мысль и память о Господе. Отсюда *светлость* во всем внутреннем. Все там ясно; всякое движение замечается и достойно оценивается при умном свете, исходящем от лица Господа созерцаемого. Вследствие сего всякий недобрый помысл и недоброе чувство, приражающиеся к сердцу, в самом зародыше встречают сопротивление и прогоняются. Тут исполняется то, что советует Филофей Синайский: «От утра стань у входа сердца, и именем Иисусовым поражай подступающих врагов».

Еп. Феофан

Это прогнание недоброго может быть мгновенно, но может длиться часы, дни, месяцы и годы; между тем, существо дела всегда одно, именно то, что ничто недоброе не допускается в сердце, а встречает решительный отпор с минуты сознания недоброты его, и гнание его не прекращается, пока совершенно не упразднится от него сердце. Вслед за сим, что ни думается, что ни чувствуется, что ни пожелается, что ни говорится и ни делается, – думается, чувствуется, желается, говорится и делается по точному сознанию, что все это не оскорбляет неотступно созерцаемого Господа, благоугодно Ему и сообразно с Его волей. Если же против воли и проскользнет что-либо противное, тотчас смиренно исповедуется Господу и очищается внутренним покаянием или внешним исповеданием, так что совесть всегда хранится чистой перед Господом.

Еп. Феофан

В награду за такой внутренний труд подается дерзновение к Богу в молитве, которая и теплится непрестанно в сердце. Теплота молитвы непрестанная есть дух этой жизни, так что, с прекращением сего тепления, прекращается и движение духовной жизни, как с прекращением дыхания прекращается жизнь телесная.

Еп. Феофан

* * *

Именно благодать Божия есть присутствие Господа нашего внутри нас. *Без Меня ничего не можете*; это и есть принцип благодати. В этом-то смысле также апостолы и первые христиане называли Иисуса Христа просто Господом. Самое блистательное доказательство математической истины может ли сравниться в очевидности с действиями благодати, когда

сердце раскрыто для нее покаянием? До зарождения внутренней жизни или проявления ощутительного действия благодати и богообщения, человек часто еще что-нибудь сам делает и напрягает к тому свои силы. Но, измаявшись безуспешно в своих усилиях, он бросает, наконец, свою самостоятельность и вседушно предает себя вседействию благодати. Тогда посещает его Господь милостью Своей и возжигает в нем огонь внутренней духовной жизни.

Еп. Феофан

Что в этом великом перевороте его усилия ничего не значили, молящийся знает по опыту. После, более или менее частыми отступлениями, благодать Божия впечатлевает в него также опытное удостоверение, что и поддержание этого огня жизни не есть дело его собственных усилий. Затем, частое нахождение благих мыслей и начинаний, частые осенения духа молитвенного, неведомо как и откуда находящего, тоже опытно дают ему убедиться, что и все доброе не иначе для него возможно, как от действия Божией благодати, всегда присущей ему, по милости Господа, спасающего всех спасаемых.

Еп. Феофан Он предает себя Господу, и Господь вседействует в нем. Опыт показывает, что только тогда и идет у него все успешно, когда он исполнен этим самопреданием... Он предает себя вседействию благодати, и благодать в нем действует. Эта истина для него не только очевиднее всякой математической истины, но и всякого внешнего опыта, ибо он уже перестал жить вовне и весь сосредоточен внутри.

Еп. Феофан

* * *

Этими немногими словами сказано все, что приносит с собою водворение внутрь Царствия, или другими словами, блаженного огня, возгорающегося, наконец, в сердце; этим же определяется и существо истинной духовной жизни. Не вдруг, конечно, все это является в свойственной силе, – бывают и отклонения, и ошибки, и ослабления; но в виду имеется именно это, с тех пор, как ум сочетается с сердцем и, утвердись внутри, становится на службу пред лицом Господа.

Еп. Феофан

С этого момента у молящегося должна быть одна забота – «быть всегда верным присущей в нем благодати. Неверность оскорбляет ее, и она или отступает, или сокращает свое действие. Верность свою благодати или Господу человек свидетельствует тем, что ни в мыслях, ни в чувствах, ни в делах, ни в словах ничего не допускает такого, что сознает противным Господу, и, напротив, никакого дела и начинания не пропускает, не исполнив его, коль скоро сознает, что на то есть воля Божия... Это иногда требует многого труда, болезненных самопринуждений и самопротивлений, но ему радостно приносить все в жертву Господу, ибо после всякой такой жертвы он получает внутреннее воздаяние: мир, обрадование и особенное дерзновение в молитве. Этими актами верности благодати и возгревается дар благодати в связи с молитвой, уже неотходной в это время.

Еп. Феофан

Чем более внедряется в сердце молитва Иисусова, тем более согревается сердце, и тем самодвижнее становится молитва, так что огонь жизни духовной в сердце возгорается, и горение ее становится непрерывным, вместе с тем, как молитва Иисусова займет все сердце и станет непрерывно движущейся.

Еп. Феофан

Первый плод Божией теплоты есть собрание мыслей воедино и устремление их к Богу неотходное. Если мысли утомляют, не дают установиться вниманием перед Богом – то бывающая при этом теплота не Божия, а своя.

Еп. Феофан Эту свою теплоту не надо вменять во что-нибудь, а только почитать приготовлением к Божией теплоте, болезновать о скудости Божьего действия в сердце и в болезни молить Господа непрестанно.

Еп. Феофан

Когда внимание сойдет в сердце, то привлечет туда в одну точку все силы души и тела. Это сосредоточение всей человеческой жизни в одно место тотчас отзывается там особым ощущением; сие ощущение и есть начало будущей теплоты. Ощущение сие, сначала легкое, все усиливается, крепнет, углубляется и из холодного, каково оно в начале, переходит в теплое чувство и держит на себе внимание. И происходит таким образом, что сначала внимание держится в сердце напряжением воли; силою своею внимание порождает теплоту в сердце.

Еп. Феофан

Теплота же сия затем держит внимание без особого его напряжения. Они затем друг друга поддерживают и должны пребывать неразлучно ибо рассеяние внимания охлаждает теплоту, а умаление теплоты ослабляет внимание. Отсюда закон духовной жизни: держи сердце в чувстве к Богу, всегда будешь в памяти Божией. Духовная ли это теплота? Нет, не духовная, а обыкновенная, естественная, кровяная. Но как она держит внимание ума в сердце и через то способствует развитию там духовных, указанных выше, движений, то она называется духовной, в том однако же случае, если она не сопровождается похотными ощущениями, хотя бы и легкими, но держит душу и тело в трезвенном настроении.

Еп. Феофан

Если же теплота, сопровождающая молитву Иисусову, не сопровождается духовными чувствами, то ее не следует называть духовной, а просто кровяной теплотой; и она, будучи таковой, не худа, если только не связывается, как было сказано, с похотными движениями. Если же связывается, то худа и подлежит изгнанию.

Еп. Феофан

Неправильно удовлетворяться или ограничиваться одним ощущением теплоты, не заботясь о чувствах духовных, даже о памяти Божией, а лишь о том, чтобы была теплота; нужно заметить это и исправить, ибо в таком случае останется одна кровяная теплота, животная. Не должно сию теплоту почитать духовной или благодатной. Духовной ее можно назвать только тогда, когда она сопровождается духовными, молитвенными движениями. Кто без них называет ее духовной, тот допускает неправильность.

Еп. Феофан

Кто называет ее благодатной, еще более неправ. Благодатная теплота особая есть, и она собственно есть духовная. Она отрешена от плоти, и в теле не производит заметных изменений, и свидетельствуется тонким сладостным чувством. По сим чувствам всякий легко может определить и различить теплоту. Это каждому следует сделать самому. Стороннему тут нет дела и места.

Еп. Феофан

Теплота, являющаяся от усиленного, вещественного подвига, также вещественна. Это – теплота плотская, кровяная, в области падшего естества. Неопытный подвижник, ощутив эту теплоту, непременно возомнит о ней нечто, найдет в ней приятность, услаждение, в чем начало самообольщения. Не только не должно думать чего-либо особенного об этой теплоте,

но, напротив того, должно принять особенные меры предосторожности при появлении ее. Предосторожность необходима по той причине, что эта теплота, как кровяная, не только переходит по разным местам груди, но очень легко может спуститься и ниже и вызвать нежелательные движения в теле.

Еп. Игнатий

Иисусовой молитвой надо искать не того, конечно, чтобы ощутить в сердце физическую теплоту. А того искать нужно, чтобы канул в сердце благодатный огонь и началась непрестанная молитва, чем и определяется благодатное состояние. Вести подобает, что Иисусова молитва, когда искра Божия падет в сердце, раздувает ее в пламень, а сама не дает сей искры, но только способствует к принятию ее.

Еп. Игнатий

Она собирает мысли воедино и дает душе возможность стоять перед Господом и ходить в присутствии Его. Главное – стояние и хождение перед Богом с вопиянием к Нему из сердца. Так делал св. Максим Кавсокаливит¹⁹.

Еп. Игнатий

Духовное горение сердца к Господу есть любовь к Нему. Она загорается от прикосновения Господа к сердцу. Как Он весь есть любовь, то и прикосновение Его к сердцу тотчас возжигает любовь к Нему. А от любви – горение сердца к Нему. Вот это и должно быть предметом искания. Творение Иисусовой молитвы есть только орудие к тому, или лучше сказать, только труд, показывающий сильное желание души обрести Господа.

Еп. Игнатий

* * *

Когда сердце ваше затеплится теплотой Божией, с того времени начнется собственно внутренняя ваша переделка. Огонек тот все в вас пережжет и переплавит, иначе сказать, – все одухотворять начнет, пока совсем одухотворит. Пока не придет тот огонек, одухотворения не будет, как ни напрягайтесь на духовное. Стало быть, теперь все дело – достать огонька.

Еп. Феофан

Огонек не покажется, пока страсти в силе, хотя им и не поблажают. Страсти то же, что сырость в дровах. Сырые дрова не горят. Надо со стороны принести сухих дровишек и зажечь. Они, горя, начнут просушивать сырость и, по мере просушивания, зажигать сырые дрова. Так понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, обмет пламенем и все дрова положенные.

Еп. Феофан

Дрова наши суть все силы души нашей и все отправления тела. Все они, пока не внимает человек себе, пропитаны сыростью – страстями, и пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному. Они проходят и в душу, и в тело, забирают и самый дух – сознание и свободу и, таким образом, господствуют над всем человеком. Как они в створе с бесами, то через них и бесы господствуют над человеком, мечтающим, однако же, что он сам себе господин.

---

¹⁹ Преп. Максим Кавсокаливит, подвизался на Афоне. Память во вторую Неделю по Пятидесятнице, в соборе отцов, на Афоне просиявших.

Еп. Феофан

* * *

Не нужно еще забывать, что кроме естественной теплоты и теплоты благодатной, может быть при молитве еще и третья теплота – бесовская. О ней подробно будет сказано в другом месте, в писаниях старца схимонаха Василия, который говорит о ней в предисловиях на книги свв. Григория Синаита, Филофея Синайского и Исихия Иерусалимского.

Как наглядный пример благодатной теплоты, возникающей в сердце, я хочу привести рассказ преп. Григория Синаита о Максиме Кавсокаливите, на которого часто указывает епископ Феофан. Я передам рассказ преп. Григория Синаита о преп. Максиме Кавсокаливите полностью, как он изложен в Добротолубии. И из него вы узнаете не только о том, как возгорелся в душе Максима благодатный огонь и появилась постоянная, самодвижная молитва Иисусова, но перед вами откроются до некоторой степени и тайны высших молитвенных состояний, которых касаться в нашей беседе мы не можем просто потому, что эта тема выше нашего духовного возраста и понимания. Но знать, что эти высшие молитвенные состояния существуют, нам полезно, чтобы мы не думали, будто все содержание молитвенной жизни исчерпывается теми молитвенными состояниями, какие мы сами переживаем.

* * *

Итак, перехожу к рассказу св. Григория Синаита, помещенному в пятом томе Добротолубия под названием: «Из жития преподобного отца нашего Максима Кавсокаливита. Об умной благодатной молитве».

«Божественный Григорий Синаит, встретив святого Максима и беседуя с ним, между прочим, спросил его: прошу тебя, отче мой честнейший скажи мне: удержишь ли ты умную молитву? Тот, поникши немного главою, ответил ему: не хочу скрывать от тебя, честный отче, чуда Пресвятой Богородицы, которое было со мною. От юности моей имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее со слезами, да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с безмерной теплотой сердца и когда потом с любовью целовал святую икону Ее, вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту и пламя, исшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало, и вносило в душу мою великое умиление. С этого момента, отче мой, сердце мое начало извнутри себя говорить молитву, и ум мой услаждается памятованием Господа моего Иисуса Христа и Пресвятой Владычицы моей Богородицы и всегда пребывает в сем памятовании о Них; и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем, – прости мне.

Тогда св. Григорий говорит ему: скажи мне, святой отче, бывало ли с тобою в то время, как ты говорил молитву: Господи Иисусе Христе и проч., божественное какое изменение, или исступление, или другой какой плод Духа Святого? – Божественный Максим ответил ему: да; и сего ради отче, я уходил в пустынные места и всегда любил полное безмолвие, да наслажусь в большей мере плодом молитвы, то есть преизобильной любовью к Богу и восхищением ума к Господу.

Святой Григорий спросил его: прошу тебя, отче, скажи мне: имеешь ли ты то, о чем сказал? Божественный Максим, потупив очи, говорит ему: не пытай о моих прельщениях.

Тогда святой Григорий сказал ему: о, когда бы и мне дал Бог иметь такое же прельщение, какое у тебя, отче святой! – Впрочем, прошу тебя, скажи мне: в тот час, когда ум твой восхищаем бывает к Богу, что видит он умными очами своими? И может ли тогда ум вместе с

сердцем возводить молитву? Святой Максим ответил ему: нет, не может. Ибо когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается, так как ум тогда весь овладевается благодатью Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому, и куда хочет Дух Святой, туда и ведет его, или в неведущий воздух Света Божественного, или в другое какое созерцание несказанное, или, как часто бывает, в Божественную беседу, и кратко сказать, как хочет Утешитель, Дух Святой, так и утешает рабов Своих; какая потребна каждому из них, ту и подает им благодать Свою. Сие, что говорю я, может всякий ясно видеть в пророках и апостолах, которые сподоблялись видеть всякого рода видения, хотя люди насмехались над ними, почитая их прельщенными и упившимися. Так пророк Исаия видел Господа, на Престоле высоком превознесенного и окруженного Серафимами. Первомученик Стефан видел отверстые небеса и Господа Иисуса одесную Отца, и проч. – Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть разные видения, которым некие не верят и никак не признают их истинными, но считают прелестью, и тех, которые видят их, называют состоящими в прелести. Дивлюсь я таким много и недоумеваю, что это за люди, и как ослепились они, что, будто слепые, не видят и не веруют тому, что обетовал неложный Бог устами пророка Иоилия, именно, что это самое даст Он верующим, говоря: *излию от Духа Моего на всяку плоть и прорекут* (Иоил. 2, 28). – Таковую благодать Господь ниспослал на учеников Своих, и ныне подает ее, и будет подавать до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Итак, когда сия благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира сего, но показывает то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Святого Духа высшим и сокровенным тайнам, которых, по божественному Павлу, *ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь сам собою никогда* (ср.: 1 Кор. 2, 9). И чтобы тебе понять, как ум наш видит их, вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно взять его и держать; но как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаивает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом, и таким образом кончается весь среди огня. Так и ум человеческий, когда один сам по себе бывает, не встретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, – когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается огнем Божественным, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается, и разливается в Божественных помышлениях, и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет.

После сего святой Григорий напомнил ему: бывает, Кавсокаливите мой, и другое нечто, подобное сему, что, однако же, есть действие прелести. – На это великий оный Максим ответил ему: бывает; но у каждой из сих свои особые признаки, – иные признаки прелести и иные – благодати. Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает ум его и делает диким, сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь и страх и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно перед очами показывает свет не светлый и чистый, а красноватый; ум делает исступленным и бесноватым и уста заставляет говорить слова непотребные и хульные; тот, кто видит сего духа прелести, большей частью сердчает и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, истинного плача и слез не имеет, но всегда хвастается своими хорошествами и тщеславится ими, всегда без сдержанности и страха Божия поддается движениям страстей, наконец выходит из ума и приходит в совершенную пагубу. От таковой прелести да избавит нас Господь молитвами твоими, отче честный.

Признаки же благодати суть следующие: когда входит в человека благодать Святого Духа, то собирает ум его и делает его внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его, будущий Суд и вечное мучение, душу его исполняет сокрушенным уми-

лением и подвигает к плачу и слезам, очи его делает кроткими и полными слез, и чем более сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и беспредельным Его человеколюбием; и ум исполняет возвышенными созерцаниями: а) недомыслимой силы Божией, как Он единым словом все из несущего привел в бытие, б) безмерной силы, которою все содержит, всем управляет и о всем промышляет, в) непостижимой Святой Троицы и неисследимой бездны Божеского Существа и прочее. Тогда ум человека восторгается Божественным оным светом и просвещается светом Божественного ведения, сердце делается тихим и кротким и обильно источает плоды Духа Святого – *радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, любовь*, смирение и прочее (Гал. 5, 22), и душа его восприимлет неизреченное веселие.

Слыша сие, св. Григорий Синаит пришел в иступление, изумляясь тому, что говорил ему преп. Максим, и более не называл уже его человеком, но земным Ангелом».

В словах преп. Максима Кавсокаливита указываются молитвенные состояния, стоящие за пределами обычной и доступной людям молитвы, как делательной, так и самодвижной. В эти высшие молитвенные состояния человек не может войти собственными усилиями и не должен даже посягать на это. Туда вводит человека Дух Святой.

И тогда открываются человеку, насколько он в силах вместить, небесные тайны и созерцания, которых он не может даже и передать человеческими словами.

* * *

Что касается до созерцания, то ни у одного из отцов не находим, чтобы в него можно было вступить самим и, следовательно, делать что-либо и с своей стороны для вступления в него. Созерцание, по словам их, давалось именно тем, которые уже успели очистить сердце свое совершенно и глубоко соединились с Господом. Из тысячи один успевает стяжать чистую молитву; а молитву духовную, или, что то же, созерцательную, в родех и родех едва один оказывается имеющим.

Еп. Феофан

Мы дошли до предела, на котором нам и следует закончить нашу общую беседу о молитве Иисусовой, и перейти к той части беседы, где будут изложены наставления об Иисусовой молитве древнейших св. отцов и подвижников Православной Церкви.

Беседа третья

Наставления о внутреннем делании и о молитве Иисусовой древних св. отцов Православной Церкви: свят. Василия Великого, преп. Макария Великого, свят. Иоанна Златоуста, преп. Ефрема Сирина, преп. Иоанна Лествичника, преп. Исихия Иерусалимского, преп. Филофея Синайского, преп. Варсонофия и Иоанна, преп. Исаака Сирина и преп. Серафима Саровского

Инок. Наши предыдущие беседы имели характер более или менее последовательного и систематического изложения учения Православной Церкви о том, что такое Иисусова молитва, каково ее значение в духовной жизни христианина, как нужно проходить ее, каковы условия ее благотворного действия в нас, какие трудности и неправильности могут быть при занятии этой молитвой и т. д.

Желая придать сказанному в предыдущих беседах более полное и всестороннее освещение, я хочу в дополнение к сказанному изложить в настоящей беседе учение об Иисусовой молитве и о молитве вообще некоторых св. отцов и подвижников Православной Церкви, писавших или учивших об умном делании.

Совокупность их наставлений даст более глубокое и всестороннее изображение умного делания, и, я полагаю, что это будет нам очень полезно и даст нам более правильное и более широкое и глубокое ознакомление с этим деланием.

Мы начнем с древнейших отцов Церкви и постепенно перейдем к ближайшим к нам по времени наставникам Иисусовой молитвы.

Что вы на это скажете, дорогой батюшка?

Иерей. Что же я могу сказать? Я только с величайшей благодарностью и интересом буду слушать все то, что вы мне предложите, так как ожидаю от этого нового для себя назидания и утешения.

Инок. Итак, благословясь, продолжим нашу беседу.

Преосвященный епископ Феофан, приступая к печатанию своего перевода святоотеческого Добротолюбия, предпосылает ему оценку значения и необходимости знакомства со святоотеческой письменностью не только для монашествующих, но и для мирян, дорожащих единством, цельностью и полнотой своего христианского мировоззрения и христианской жизни. Для предстоящего нам ознакомления со святоотеческой и подвижнической письменностью об Иисусовой молитве и о молитве вообще предисловие епископа Феофана к Добротолюбию является очень подходящим вступлением.

Вступление к Добротолюбию епископа Феофана

Сокровенная в Господе нашем Иисусе Христе истинно-христианская жизнь зачинается, раскрывается и к совершенству восходит, в своей для каждого мере, по благоволению Бога Отца, действием присущей в христианах благодати Пресвятого Духа, под водительством Самого Христа Господа, обетовавшего быть с нами во вся дни неотлучно.

Благодать Божия призывает всех к такой жизни; и для всех она не только возможна, но и обязательна, потому что в ней существо христианства. Причастниками же ее являются не все призванные, и действительные ее причастники не все причащаются ее в одинаковой мере. Избранники глубоко в нее входят и по степеням ее высоко восходят.

Проявления ее, равно как и богатства области, в которой она раскрывается, не менее обильны и разнообразны, чем явления обычной жизни. И если бы могло быть ясно понято и понятно изображено все, бывающее там: вражеские нападения и искушения, борьбы и одоления, падения и восстания, зарождения и укрепления разных проявлений духовной жизни, степени общего преуспевания и свойственное каждой состояние ума и сердца, взаимодействие во всем свободы и благодати, ощущения близости и отдаления Божия, чувства промыслительного вседержительства и положения себя, – окончательное и безвозвратное, – в десницу Господню, с отложением всех своих способов действия, при непрестанном, напряженном действовании, – если бы все сие и многое другое, не разлучное с истинной в Господе жизнью, могло быть ясно и удобопонятно изображено; то представило бы картину, сколько привлекательную, столько же и поучительную, – картину, похожую на всемирное путешествие.

Путешественники пишут путевые заметки о всем, что находят достойным внимания на пути своем. Писали свои заметки и избранники Божии, в разных направлениях проследившие все тропы духовной жизни, писали обо всем, что встречали и испытывали в сем многотрудном шествовании своем. Но участь и назначение тех и других заметок не одинаковы.

Не имеющие возможности путешествовать могут, и не двигаясь с места, составить себе довольно приблизительные понятия и представления о чужих странах посредством чтения путевых заметок других путешественников, потому что формы жизни всех тварей больше или меньше походят одни на другие, в каких бы странах они ни проявлялись. Не то бывает в отношении к опытам духовной жизни. Понимать их могут только шествующие путем сей жизни. Для не вступавших на него – это совершенно неведомая наука; но и вступившие на него не всё вдруг понимать могут. Их понятия и представления уясняются по мере шествия и углубления в страну духа. По мере умножения собственных опытов духовной жизни становятся ясными и понятными указания опытов, замеченных святыми отцами в писаниях.

При всем том, однако же, изображение разных проявлений духовной жизни, заключающееся в святоотеческих писаниях, не есть дар напрасный и для всех вообще христиан. Оно дает всякому понять, что если он не испытал еще того, о чем говорится в сем описании, то значит, что установившийся для него образ жизни, несмотря на то, что с ним мирится его христианская совесть, не есть законченное совершенство, лучше которого нечего желать и выше которого некуда идти. Давая же это понять, оно не может не возбудить ревности к преуспеянию, не может не манить вперед, указывая там нечто лучшее, нежели чем обладает он.

Для тех, которые вступили на путь к лучшему и совершеннейшему, оно дает нужные указания в сомнительных и недоуменных случаях, когда нет личного опытного руководства и когда при самом руководстве встречаются неразрешимости, не позволяющие принимать окончательные решения, которые устраняли бы всякое колебание в шествующем. Очень важно бывает знать, как и куда ступить ногою в известном случае, чтобы не сделать ошибки. И вот, здесь какое-нибудь изречение отеческое разгоняет тьму, воссияв подобно лучу молнии среди ночи.

Вообще же это теплица духовная, в которую верующий, прочитывая указания о явлениях духовной жизни, входит сознанием и сердцем и, подлежа там ощутительным влияниям возбужденных созерцаний, чувствует, что он витает в сии минуты в иной некоей атмосфере, светоносной и живоносной. Это отрадны моменты, – и в продолжение их-то обычно зарождаются и зреют разные отпрыски на древе духовной жизни. И потому нет ничего дивного, что испытавший это, как только улучает свободную минуту, спешит к опытным описаниям

духовной жизни, как любящий прибыль спешит к местам, прибыль обещающим, и любящий удовольствия – к местам утех. Он часто при этом желает подышать оживляющим и ободряющим воздухом духовным. И, однако же, это не есть праздное любопытство. Нет, это есть дело существенной необходимости для преуспевания и благосостояния нашего духа.

Вот почему между истинными христианами всегда была и есть потребность иметь под руками святоотеческие писания о духовной жизни. Но сколько похвально чувство такой потребности, столько же обязательно удовлетворение ее от лица тех, которые имеют долг к тому и силы на то. Она и была всегда удовлетворяема как изданиями сих писаний в полном их составе, например: святых Макария, Исаака и Ефрема Сирина, Лествичника и других многих, так не менее того и сборниками из них. К числу таких сборников принадлежит и известное всем Добротолюбие, как наилучшее из них.

Еп. Феофан

* * *

Последуя призыву преосвященного Феофана, мы и вступаем в страну духовной жизни, описанию которой посвящены страницы книг, оставленных нам св. отцами и подвижниками Православной Церкви.

Начинаем со святителя Василия Великого²⁰.

Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих (Пс. 33, 2), – невозможно то, что говорит пророк, ибо как может хвала Божия всегда быть во устах человека? Когда человек ведет свои обычные человеческие разговоры, в его устах нет хвалы Богу; когда спит, молчит, конечно; когда ест и пьет, могут ли его уста произносить хвалу? Отвечаем на это – есть духовные уста внутреннего человека, которыми он воспринимает животворное слово Божие, как хлеб, сшедый с небеси. Об этих устах говорит пророк: *уста моя отверзох и привлекох Дух*; эти уста и Господь призывает нас иметь открытыми к приятию истинной пищи: «расшири, – говорит, – уста твоя, и исполню я». Ибо может однажды возникшая и напечатленная в разуме души мысль о Боге именоваться хвалой, всегда от Бога бываемой в душе; может, и по апостолу, заботливый все творить во славу Божию. Так как всякое дело, и всякое слово, и всякое движение умное имеет силу хвалы. И потому, ест ли праведник, или пьет, или что-нибудь другое делает, все это он делает во славу Божию: у него и во сне сердце бдит.

Свят. Василий Великий

Как достигнуть нерассеянности в молитве? Несомненно убедившись, что Бог пред очами... молящийся с таким убеждением будет иметь ум, не уклоняющийся от Испытующего сердца и утробы, исполняя написанное: *воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8).

Свят. Василий Великий

---

²⁰ *Свят. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, годы его жизни ок. 329–379. Ревностный поборник Православия, друг свят. Григория Богослова. Свят. Василий любил красоту церковную, благолепие храма, гармонию богослужения. Заботился о нищих, немощных; устроил немало больниц, богоделен, приютов, – сам служил прокаженным. После свят. Василия Великого остались богословские труды, наиболее известные из них: «9 бесед на шестоднев», «13 бесед на псалмы», 5 книг против ариан, одна – о Божестве Св. Духа, уставы для монашествующих, молитвы и Литургия. Память свят. Василия Великого 1/14 января.*

Можно ли достигнуть нерассеянности во всем и во всякое время, – и как сего достигнуть? Что сие возможно, показал тот, кто сказал: *очи мои выну* (всегда) *ко Господу* (Пс. 24, 15), и: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). А как сие возможно о том сказано выше, а именно: для сего не должно давать душе времени быть праздною от помышления о Боге и о Божиих делах и дарах, также от исповедания и благодарения за все.

Свят. Василий Великий

Молитву должно всему предпочитать. Марфа принимает (заботится угостить) Господа, а при ногах Его сидит Мария. В обеих сестрах видно прекрасное усердие; но ты различай дело. Господь одобрил усердие обеих женщин, но Марию предпочел Марфе. Марфа – образ деятельного служения другим; Мария – образ созерцательного предстояния Богу в молитве. Подражай чему хочешь: тем и другим приобретешь плод спасения; впрочем, последнее выше первого. *Мария благу часть избра* (Лк. 10, 42). Если и ты хочешь быть таинником Христовым, – сядь при ногах Его и пребывай в молитвенном созерцании Его.

Свят. Василий Великий

Если будешь осуждаем совестью своей, как презритель заповедей Божиих, и если будешь стоять на молитве рассеянно, когда бы мог стоять и нерассеянно, то не дерзай стоять пред Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. Если же ты стараешься, но не успеваешь молиться без развлечения, то принуждай себя, сколько станет сил, и продолжай стоять пред Богом, к Нему обращая ум и собирая его в себя самого, и Бог простит тебе: потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом, как должно.

Свят. Василий Великий

Надобно всяким хранением блюсти свое сердце (Притч. 4, 23), чтобы никак не терять мысли о Боге и памятования о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге, постоянным и чистым памятованием напечатленную в душах наших, всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних, и вместе опять сама ими соблюдается, делаясь непрерывной и непоколебимой.

Свят. Василий Великий

Откуда рассеянность и помыслы? И как их приводить в порядок? Рассеянность происходит от праздности ума, не занимающегося необходимым. А ум остается в праздности и беспечности от неверия в присутствие Бога, испытующего сердца и утробы. Ибо если кто поверит сему, то, без сомнения, сделает сказанное: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). А кто достиг сего и подобного сему, тот никогда не осмелится и не будет иметь досуга помыслить что-либо, не клонящееся к созиданию веры, хотя бы и казалось это хорошим, а не только что-нибудь запрещенное и неудобное Богу.

Свят. Василий Великий

* * *

От Василия Великого переходим к **преподобному Макарию Великому**²¹.

---

²¹ Преп. Макарий Великий – египетское, а лучше сказать, вселенское солнце, светлее солнца просиявшее в неизреченных дарованиях Святого Духа (старец Паисий Величковский).

Нет иной такой близости и взаимности, какая есть у души с Богом и у Бога с душою. Бог сотворил разные твари; сотворил небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносные, всякие роды животных. Но ни в одной из сих тварей не почивает Господь. Всякая тварь во власти Его; однако же не утвердил Он в них престола, не установил с ними общения; благоволил же о едином человеке, с ним вступив в общение. Видишь ли в этом средство Бога с человеком и человека с Богом?

Преп. Макарий Великий

Душа смысловая и благоразумная, обошедши все создания, нигде не находит себе упокоения, как только в Едином Господе. И Господь ни к кому не благоволит, как только к единому человеку.

Преп. Макарий Великий

Удобоизменяема человеческая природа, склонна то к худому, то, наоборот, к прекрасному, и вследствие того и другого имеет способность соизволять, на какие захочет дела. Поэтому природа наша удобоприемлема и для добра, и для зла; и для Божией благодати, и для сопротивной силы. Но она не может быть приневоливаема.

Преп. Макарий Великий

Вошедший в душу человека грех овладел пажитями души до глубочайших ее тайников, обратился в привычку и предубеждение, с младенчества в каждом возрастает, воспитывается и учит его худому.

Преп. Макарий Великий

Видимый мир, от царей и до нищих, весь в смятении, в нестроении, в борьбе, и никто из них не знает тому причины... Прившедший грех, как разумная некая сила и сущность сатаны, посеял всякое зло: он тайно действует на внутреннего человека и на ум и борется с ним помыслами; люди же не знают, что делают сие побуждаемые чуждой некоей силой; напротив того, думают, что это естественно и что делают сие по собственному своему рассуждению. Но в самом уме имеющие мир Христов и озарение Христово знают, откуда движается все это.

Преп. Макарий Великий

Осталась в человеке свобода, которую Бог дал ему вначале. Как совершенный не привязан к добру какой-либо необходимостью, так не привязан и ко злу погрязший в грехе и делающий себя сосудом диавола.

Преп. Макарий Великий

Ты свободен; и если хочешь погибнуть, то природа твоя удобоизменяема. Кто хочет, тот и покорствуется Богу, и идет путем правды, и владеет пожеланиями, потому что ум сей есть противоборник и твердым помыслом может препобедить порочные стремления и гнусные пожелания.

Преп. Макарий Великий

Но те, которые, надмеваясь, думают собственной своей свободой устранить от себя поводы ко греху употребляют напрасные усилия. Свобода, возможная для человека, простирается на то, чтобы противиться диаволу, а не на то, чтобы при сей возможности непременно иметь и власть над страстями.

Преп. Макарий Великий

В нас действует зло со всей силой и ощутительностью, внушая все нечистые пожелания, однако же срастворено с нами не так, как иные говорят сие о смешении вина с водою, но

как на одном поле растут и пшеница сама по себе, и плевелы сами по себе, или как в одном доме находятся особо разбойник и особо владетель дома.

Преп. Макарий Великий

Источник изливает чистую воду; но на дне его лежит тина. Если возмутит кто тину, – весь источник делается мутным. Так и душа, когда бывает возмущена, срастворяется с пороком. И сатана чем-то одним делается с душою; оба духа во время блуда или убийства составляют что-то одно... В иное же время самостоятельная душа действует сама по себе и раскаивается в своих поступках, плачет, молится и приводит себе на память Бога.

Преп. Макарий Великий

Душу, вначале уязвленную неисцельной язвой вредоносных страстей, никто не мог исцелить, пока не пришел Спаситель, истинный Врач, туне врачующий и Себя дающий в искупительную цену за род человеческий. Он один совершил великое и спасительное искупление и у врачевание души; Он освободил ее от рабства и извел ее из тьмы.

Преп. Макарий Великий

Господь наш Иисус Христос для того и пришел, чтобы изменить, преобразить и обновить естество, и эту душу, вследствие преступления низложенную страстями, создать вновь, растворив ее Божественным Духом. Он пришел верующих в Него соделать новым умом, новой душой, новыми очами, новым слухом, новым языком духовным, одним словом – новыми людьми.

Преп. Макарий Великий

Господь непрестанно ударяет в двери сердец наших, чтобы отверзли мы Ему и Он вошел и почил в душах наших, и сотворил обитель у нас. Ибо говорит: *Се, стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему* (Откр. 3, 20). Для того Он благоволил много пострадать, предав тело Свое на смерть и искупив нас от рабства, чтобы, пришедши к душе нашей, сотворить в ней обитель.

Преп. Макарий Великий

Пища, и питье, и одежда, и покров, и упокоение Его в душах наших. Посему непрестанно ударяет в дверь, желая войти к нам. Примем же Его и введем внутрь себя; потому что и для нас Он есть и пища, и питье, и жизнь вечная. И всякая душа, которая не прияла Его в себя и не успокоила Его в себе ныне, или лучше сказать, сама не успокоилась в Нем, не имеет наследия со святыми в Царстве Небесном и не может войти в небесный град. Ты Сам, Господи Иисусе Христе, введи нас в оный!

Преп. Макарий Великий

* * *

Человек по природе имеет предначинание, и его-то взыскует Бог. И поэтому повелевает, чтобы человек сперва понял, поняв, возлюбил и предначал волею. А чтобы мысль привести в действие, или перенести труд, или совершить дело – сие благодать Господня дает возжелавшему и уверовавшему. Посему воля человеческая есть как бы существенное условие. Если нет воли, – Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей. Посему совершение дела Духом Святым зависит от воли человека. Опять, если даем мы полную свою волю, то нам все дело приписывает чудный во всем и совершенно недомыслимый Бог.

Преп. Макарий Великий

Как пчела тайно выделяет сот в улье, так и благодать тайно производит в сердцах любовь свою и горечь превращает в сладость, а жестокосердие – в мягкосердие.

Преп. Макарий Великий

Человек не тотчас, как услышит Божие слово, делается уже достойным благой части. Утверждая противное, отнимаешь у человека волю и отрицаешь бытие сопротивной силы, противоборствующей уму. Мы же говорим, что слушающий слово приходит в сокрушение и потом начинает он упражняться и поучаться в брани, борется и подвигается против сатаны; и после долгого состязания и борения одерживает победу и делается христианином.

Преп. Макарий Великий

Бессмертная душа есть драгоценный некий сосуд. Смотри, как велико небо и земля, и не о них благоволил Бог, а только о тебе. Воззри на свое благородство и достоинство, потому что не Ангелов послал, но Сам Господь пришел ходатаем за тебя, чтобы воззвать погибшего, изъязвленного, возвратить тебе первоначальный образ чистого Адама. Сам Бог пришел вступить за тебя и избавить тебя от смерти. Стань же твердо и представь себе, какое о тебе промышление.

Преп. Макарий Великий

Как в теле жизнь не от него самого, но от того, что вне его, то есть от земли, и без существующего вне его невозможно ему жить: так, если душа еще ныне не возродится в оную землю живых и не будет там духовно питаться и духовно возрастать, преспевая пред Господом, и не облечет ее Божество в неизреченные ризы небесной лепоты, то без оной пищи невозможно ей самой собою жить в услаждении и упокоении. Ибо Естество Божие имеет хлеб жизни, – Того, Кто сказал: *Аз емь хлеб животный* (Ин. 6, 35), *и воду живу* (Ин. 4, 10), *и вино, веселящее сердце человека* (Пс. 103, 15), *и елей радости* (Пс. 44, 8), и многообразную пищу Небесного Духа, и светоносные небесные одежды, даруемые Богом. В этом и состоит небесная жизнь души. Горе телу, когда оно останавливается на своей природе, потому что разрушается и умирает. Горе и душе, если она останавливается на своей только природе, не имеет общежития с Божественным Духом; потому что умирает, не сподобившись вечной Божественной жизни. Как отчаиваются в больных, когда тело их не может уже принимать пищи, и плачут о них все близкие, друзья, родные и любимые ими; так Бог и святые Ангелы достойными слез признают те души, которые не вкушают небесной пищи Духа и не живут в нетлении.

Преп. Макарий Великий

Случается, что сатана ведет разговор с тобою в сердце: «Смотри, сколько худого сделал ты; смотри, какого неистовства исполнена душа твоя; столько обременен ты грехами, что не можешь уже спастись». Сие же делает, чтобы свергнуть тебя в отчаяние, потому что неприятно ему покаяние твое. Ибо, как скоро через преступление вошел грех, – ежечасно беседует он с душою, как человек с человеком. Отвечай ему и ты: «Имею в Писании Господнем свидетельство: *не смерти хочу грешника, но покаяния, чтобы обратился он от пути лукавого и был жив* (ср.: Иез. 33, 11). Ибо для того снизшел Он, чтобы спасти грешных, воскресить мертвых, оживотворить умерщвленных, просветить находящихся во тьме».

Преп. Макарий Великий

Представь себе стан персидский и стан римский; и вот вышли из них два окрыленные мужеством и равносильные юноши и ведут борьбу. Так сопротивная сила и ум равносильны между собою и равную имеют силу: сатана преклонять и лестью вовлекать душу в волю свою; душа прекословить и ни в чем не повиноваться ему; потому что обе силы могут только побуждать, а не принуждать к злу и добру.

Преп. Макарий Великий

Такое произволение имеет от Бога помощь, и оно может борьбой приобрести оружие с неба и им победить и искоренить грех; потому что душа может противиться греху, но не может без Бога победить или искоренить зло.

Преп. Макарий Великий

Те, которые говорят, что грех подобен сильному исполину, душа же подобна отроку, говорят худо. Ибо, если бы таково было несходство и грех уподоблялся исполину, а душа – отроку, то несправедлив был бы Законоположник, Который дал человеку закон – вести брань с сатаною.

Преп. Макарий Великий

Очень немного таких, которые с добрым началом соединили добрый конец, непреткновенно дошли до цели, имеют единую любовь к Единому Богу и от всего отрешились. Многие приходят в умиление, многие делаются причастниками небесной благодати, уязвляются небесной любовью; но, не выдержав встретившихся на пути различных борений, подвигов, трудов и искушений от лукавого, поскольку у каждого есть желание любить что-либо в мире сем и не вовсе отрешаться от любви своей, возвратившись к разнообразным и различным мирским пожеланиям, по слабости и недеятельности, или по боязливости собственной своей воли, или по любви к чему-либо земному, остались в мире и погрязли в глубине его.

Преп. Макарий Великий

Для земной и плотской любви, которой человек связывает себя по собственной воле, уловляет его грех, делается для человека оковами, узами, тяжким бременем, которое потопляет и подавляет его в веке лукавом, не давая ему собраться с силами и возвратиться к Богу.

Преп. Макарий Великий

Этим испытывается весь род человеческий, испытываются все христиане, живущие в городах, или в горах, или в обителях, или в полях, или в местах пустынных; потому что человек, уловляемый собственной своей волей, начинает любить что-нибудь; любовь его связывается чем-нибудь и не всецело уже устремлена к Богу.

Преп. Макарий Великий

Иной возлюбил имения, а иной золото и серебро; иной же – многоученую мирскую мудрость для славы человеческой; иной возлюбил начальство; иной – славу; иной любит безвременные собрания; иной весь день проводит в рассеянии и удовольствиях; иной обольщается праздными помыслами; иной для человеческой славы любит быть как бы законоучителем; иной услаждается недеятельностью и нерадением; другой привязан к одеждам; иной предается земным попечениям; иной любит сон, или шутки, или сквернословие. Чем привязан кто к миру, малым ли или великим, то и удерживает его и не позволяет ему собраться с силами.

Преп. Макарий Великий

С какой страстью человек не борется мужественно, ту любит он, и она обладает им, и обременяет его, и делается для него оковами и препятствием уму его обратиться к Богу, благоугодить Ему и, послужив Ему Единому, соделаться благопотребным для Царствия и улучшить вечную жизнь.

Преп. Макарий Великий

Душа, действительно стремящаяся ко Господу, вся и всецело к Нему простирает любовь свою и, сколько есть сил, к Нему Единому привязывается своим произволением, и в

этом приобретает помощь благодати, отрицается сама себя и не следует хотениям ума своего; потому что ум наш, по причине неотлучного с нами и обольщающего нас зла, – ходит лукаво. Таким образом, как скоро душа возлюбила Господа, исхищается из сетей собственной своей верой и великой рачительностью, а вместе и помощью свыше сподобляется вечного Царства, и, действительно возлюбив оное, по собственной своей воле и при помощи Господней не лишится уже вечной жизни.

Преп. Макарий Великий

* * *

Когда мы изучаем Писания, или читаем о каком-нибудь праведнике, как благоугодил он Богу, как стал другом и собеседником Божиим, или о всех отцах, как соделались они друзьями и наследниками Божиими, сколько претерпели скорбей, сколько страдали ради Бога, сколько совершали доблестных дел и подвигов; тогда ублажаем их и хотим сподобиться равных с ними даров и достоинств, охотно желаем получить такие же славные дарования, только отложив при этом в сторону их труды, подвиги, скорби и страдания; и стяжать те почести и достоинства, которые приняли они от Бога.

Преп. Макарий Великий

Дарований и наград желаем усердно, а их изнурений, трудов и подвигов на себя не приемлем. Но сказываю тебе, что всего этого желает и вожделевает всякий человек: и блудники, и мытари, и несправедливые люди хотели бы получить Царствие так легко, – без трудов и подвигов.

Преп. Макарий Великий

Искушения, многие испытания, скорби, борения и пролития пота для того и посылаются, чтобы явными соделались те, которые действительно от всего произволения и всеми силами даже до смерти любили Единого Господа и при такой любви к Нему не имели уже ничего иного для себя вожделенного. Посему-то, по правде, входят они в Небесное Царство, отрекшись от себя самих, по Господнему слову, и паче дыхания своего возлюбив Единого Господа; почему за высокую любовь свою и будут вознаграждены высокими небесными дарами.

Преп. Макарий Великий

Кто приходит к Богу и действительно желает быть последователем Христовым, тот должен приходиться с той целью, чтобы перемениться, показать себя лучшим и новым человеком, не удержавшим в себе ничего из свойственного ветхому человеку. Ибо сказано: *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор. 5, 17).

Преп. Макарий Великий

Приступающему ко Господу надлежит принуждать себя ко всякому добру: принуждать себя к любви, если кто не имеет любви; принуждать себя к кротости, если не имеет кротости; принуждать себя к тому, чтобы милосердным быть и иметь милостивое сердце; принуждать себя к тому, чтобы терпеть пренебрежение, и когда пренебрегают, – быть великодушным, когда унижают или бесчестят, – не приходиться в негодование, по сказанному: *не себе отмщающе, возлюбленнии* (Рим. 12, 19); надлежит принуждать себя к молитве, если не имеет кто духовной молитвы. В таком случае Бог, видя, что человек столько подвизается и против воли сердца с усилием обуздывает себя, даст ему истинную духовную молитву, даст истинную

любовь, истинную кротость, *утробы щедрот*, истинную доброту, и одним словом, исполнит его духовного плода.

Преп. Макарий Великий

Некоторые говорят, что Господь требует от людей одних явных плодов, а тайное совершает Сам Бог. Но не так бывает на деле; напротив того, сколько ограждает кто себя по внешнему человеку, столько же он должен бороться и вести брань с помыслами; потому что Господь требует от тебя, чтобы сам на себя был ты гневен, вел брань с умом своим, не соглашался на порочные помыслы и не услаждался ими.

Преп. Макарий Великий

Душа должна сопротивляться, противоборствовать и отражать. Произволение твое, противоборствуя, пребывая в труде и скорби, начинает, наконец, одерживать верх; оно и падает, и восстает; грех снова низлагает его; в десяти и в двадцати борениях побеждает и низлагает душу; но и душа со временем в одном чем-нибудь побеждает грех. И опять, если душа стоит твердо и ни в чем не ослабевает, то начинает брать преимущество, решать дело и одерживать над грехом победы. Так-то люди преодолевают и делаются его победителями.

Преп. Макарий Великий

Открывается какая-то сокровенная и тонкая сила тьмы, пребывающая в сердце. И Господь бывает близ души и тела твоего, и, смотря на борьбу твою, влагает в тебя сокровенные небесные помыслы, и втайне начинает упокоевать тебя. Но пока оставляет еще тебя под обучением, и в самых скорбях промышляет о тебе благодать. И когда придешь в упокоение, благодать даст тебе познать Себя и покажет тебе, что для твоей же пользы попускала быть тебе в борении. Как сыну богатого человека, у которого есть пестун, пока наставник наказывает его, и учение, и раны, и удары кажутся тяжкими, и это бывает пока не сделается мужем, и тогда начинает уже благодарить пестуна; так и благодать промыслительно обучает, пока не придешь в совершенного мужа.

Преп. Макарий Великий

Самое главное оружие для борца и подвижника состоит в том, чтобы, войдя в сердце, сотворил он брань с сатанюю, возненавидел себя самого, отрекся от души своей, гневался на нее, укорял ее, противился привычным своим пожеланиям, препирался с помыслами, боролся с самим собою.

Преп. Макарий Великий

Истинное основание молитвы таково – быть внимательным к помыслам и совершать молитву в великом безмолвии и мире. Человеку молящемуся надобно все усилие свое обращать на помыслы, и что служит пищей лукавым помыслам, то отсекают, а устремляться мыслью к Богу и хотения помыслов не исполнять, но кружащиеся помыслы собирать отовсюду воедино, различая естественные помыслы от лукавых.

Преп. Макарий Великий

Душа под грехом уподобляется как бы большому лесу на горе, или тростнику на реке, или какой-нибудь чаще терний и дерев; посему намеревающиеся проходить сим местом должны протягивать вперед руки и с усилием и с трудом раздвигать перед собою ветви. Так и душу окружает целый лес помыслов, внушаемых сопротивной силой; почему потребны великая рачительность и внимательность ума, чтобы человеку отличать чуждые помыслы, внушаемые сопротивной силой. Внимательные к помыслам весь подвиг в молитвах совершают внутренне. Таковые своим разумением и рассудительностью могут преуспевать, отражать восстающие помыслы и ходить в воле Господней.

Преп. Макарий Великий

Душа, подражай Марии, подражай, не имея в виду ничего иного, а взирая только на Того, Кто сказал: *огня приидох вовреци на землю, и что хошу, аще уже возгореся* (Лк. 12, 49) Ибо возгорение духа оживотворяет сердца. Невещественный и Божественный огонь освящает души и искушает их, как неподдельное золото в горниле, а порок пополяет, как терния и солому; потому что *Бог наш огонь поядаяй ест* (Евр. 12, 29). Действенности сего огня взыска, блаженный Давид сказал: *искуси мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2).

Преп. Макарий Великий

Сей огонь согревал сердце Клеопы и спутника его, когда говорил с ними Спаситель по воскресении. И Ангелы и служебные духи причащаются светлости сего огня, по сказанному: *творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя огонь палящ* (Евр. 1, 7). Сей огонь, сожигая сучец во внутреннем оке, делает чистым ум, чтобы, возвратив себе естественную прозорливость, непрестанно видел он чудеса Божии, подобно тому, кто говорит: *Открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18). Поэтому огонь сей прогоняет бесов и истребляет грех.

Преп. Макарий Великий

Господь знает немощь человеческую, что человек скоро превозносится; поэтому останавливает его и попускает ему быть в непрестанном упражнении и волнении. Ибо если когда и малое приемлешь, для всех делаешься несносным и надмеваешься, то кольми паче сделаешься нестерпимым, если дадут тебе в один раз насытиться. Но Бог, зная твою немощь, по смотрению Своему посылает тебе скорби, чтобы стал ты смиренным и ревностнее взыскал Бога.

Преп. Макарий Великий

Благоискусные пред Богом сами себя признают весьма малыми и крайне неблагоискусными, и для них стало естественным и непрменным делом почитать себя низкими или даже ничем. Ужели таковые не знают, что им вручено, чего не имели, и приобрели нечто необычайное для естества своего? Когда говорят, что не признают они себя благоискусными и преуспевшими, не знают, что приобрели, чего не имели. Нисходящая же на таковых благодать сама учит их, чтобы и преуспевая, не почитали души своей драгоценной, естественно же признавали себя ничего не стоящими. И будучи драгоценными пред Богом, не таковы они сами для себя; при своем преуспевании и ведении Бога признают себя как бы ничего не знающими, и богатые пред Богом сами для себя кажутся бедными.

Преп. Макарий Великий

Посему христиане должны употреблять все старание вовсе никого не осуждать: ни явную блудницу, ни грешников, или людей бесчинных, взирать же на всех с простодушным произволением, чистым оком, чтобы обратилось человеку как бы в нечто естественное и непрменное, никого не уничтожать, не осуждать, никем не гнушаться и не делать различия между людьми.

Преп. Макарий Великий

Человек может ли пасть, имея благодатное дарование? Если вознерадит, то падает; потому что враги никогда не остаются в бездействии и ведут брань, не предаваясь лени. Кольми паче не должен ты прекращать искания своего пред Богом. Ибо много бывает тебе вреда, если предаешься нерадению, хотя бы по-видимому испытан ты был в самом таинстве благодати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.